

КОСТЁР

ФЕВРАЛЬ 1991

Ежемесячный журнал
для школьников

Издается с июля 1936 года
© «Костер» 1991

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1

ПОСЛЕДНИЙ ПАЖ
РОССИИ
очерк Н. Клепиковой

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ
МАКСИМА
баллада о песне
В. Шумилина

4

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ
повесть
Е. Мурашовой

14

У НАС В ГОСТЯХ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
А. А. СОБЧАК

15

СТИХИ
А. Степанова и
А. Шлыгина

16

ПО СЛЕДАМ
ДИНОЗАВРОВ
очерк
К. Аманязова

18

БАРАБАН
сообщения юнкоров

22

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО
повесть-сказка
Л. Яхнина

29

КИФ
Конкурс
изобретателей
и фантастов

31

УЧЕНИЕ ХРИСТА,
ИЗЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Л. Толстой

34

НАДЕЖНЫЕ ЛОШАДКИ
заметка К. Васильева

35

ТВОРЧЕСТВО
ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

36

КИНОВИДЕО

38

МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ПЕРЕКРЕСТОК

40

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

42

СКОЛЬКО НОЖЕК
У СТОЛА?
очерк
С. Махотина

44

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

47

АРЧЕБЕК

48

СОВЕТЫ
МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

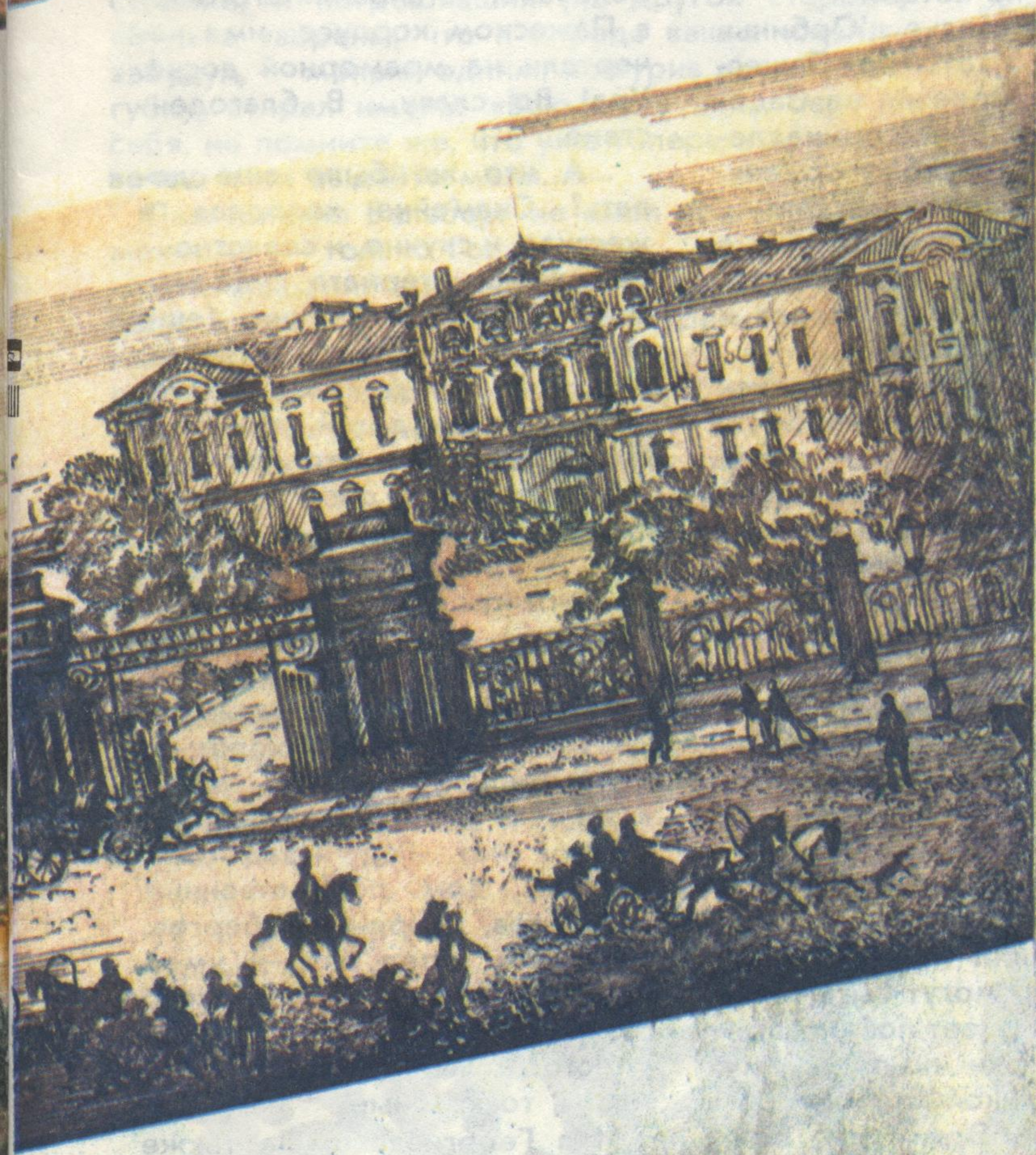
На обложке рисунок
О. Филипенко «Зима»

ПОСЛЕДНИЙ ПАЖ РОССИИ

...Март и суббота, и последнее дежурство в корпусе. Пажам предложено выстроиться в Белом зале: «Господа! Вы вызваны для того, чтобы прийти нынче к присяге Временному правительству...» Вышел знаменщик: «Временному присяги не принесем...» Это был первый случай неповиновения начальству. К Мише подошел воспитатель Елагин: «Позвоните домой, чтобы за вами приехали...» Корпус пустел и опустел. Какое-то время учились на квартирах преподавателей, после — интернат...

И снова март, и среда, и только голуби у Апраксина двора все те же, что и семьдесят с лишним лет назад. А в бывшем Пажеском Его Императорского величества корпусе давно уже Суворовское училище, и здесь учатся на офицеров красивые и сильные русские мальчики. Михаил Иванович Вальберг не был здесь с тех пор, как... Ну да, — еще младший Юсупов с ума сводил на балах барышень из Смольного — он был неотразим, а барышни трогательны; а Миша Вальберг был небольшим, но первым по гимнастике — вольные упражнения давались легко. Деды блистательных Юсуповых и Гагариных присягали России, а потомки... Потомки вынуждены были выбрать эмиграцию; или умереть на Колыме; или, как Савва Жербин — долго и как-то скрывать то, что он бывший паж.

И вот он, Михаил Вальберг, последний в России и жив. И — у суворовцев (как уж те искали Вальберга и нашли — о, целая новелла!): «Я остался в России по завету своего отца. Могу уверить вас, милые, такой же я, как и был смолodu. Детство, юность, отрочество — это то лучшее, что у меня есть. Нынче

со мной те идеалы. Всю жизнь я служил в армии. Какой была — в такой и служил... А что же еще было делать?»

...Обнимались-целовались, распивали шампанское, спешили друг к другу в гости. И шили платья из ситца; и шили из буф-муслина. Звенели колокола: и голубям не было покоя на карнизах. Слава о доброте, кротости, приветливости нового царя уже давно была — 11 марта 1801 года вышел манифест о вступлении на престол Александра I. И первое, что сделал молодой монарх, это соединил Министерство Народного Просвещения с делами всех вероисповеданий; и хотел он примирить веру и разум, и само просвещение основать на началах евангельских. «Пажеский корпус есть училище для образования нравов и характера, корпус сей есть совокупно такое военное установление, где благородное юношество через воспитание приготавливается к великой службе строгим повиновением, совершенною подчиненностью и не принуждением». Здесь готовили молодых дворян к офицерскому званию. Утро пажа начиналось с барабанного боя в 7.00: упражнения в ружье, затем классы, фехтование, верховая езда; в воскресенье и праздники — церковный парад и молитва. Должно было между собой обходиться благопристойно и не предаваться гневу. За непристойности — увы, розги и арест... Об особо отличившихся докладывали государю. Служившие при дворе камер-пажи (это уж самые из самых...) по утрам причесывались, пудрились, одевались в виц-мундир. Камер-пажи делились — одни служили на половине Государя, другие — на половине царствующей Императрицы. Для Государя пажи отворяли одну половину дверей, для Государыни — обе, несли шаль или меховое боа. Служба камер-пажа была приятна. Кружили голову прогулки в Павловске и Гатчине, танцы, театры, волокитство... По миновании торжеств ночи сидели над

М. И. Вальберг

книгой: страстно предавались военной науке, ибо честолюбие сильно было — чина прапорщика никто не хотел.

Из дома шевалье д'Орбиньи на Фонтанке в 1810 году Пажеский корпус переехал на Садовую — в дом, ранее принадлежавший мальтийскому ордену. О! Тут чудно: зеркала и статуи, плафоны и полуобнаженные богини; разноцветного все кругом мрамора; православная и католическая церкви.

...1812 год: мальчишки рвались в бой, и если не сложили быстро голову, то украсили плечи офицерскими эполетами без экзаменов, обогнав одноклассников, смиренно оставшихся на Садовой. После Бородинского произведены в офицеры Хомутов, Нарышкин, Милорадович...

...Все та же церемония коронации. На престол взошел Николай Павлович. Воспитать русского юношу значило для Государя сделать из него носителя трех принципов — самодержавия, народности, православия. Молвил Монарх: «Воля и характер могут быть только у тех, кто умеет повиноваться...» Да, пажи по-прежнему подавали Великой Княгине лорнет в театре Эрмитажа, боа, склянку с духами. Но Государь старался вести пажей по пути окончательного превращения их в настоящих военных. Но нужда в образованных людях заставляла пользоваться воспи-

танниками корпуса на любых поприщах — граф Новосельцев — председатель Государственного Совета, Оленин — директор публичной библиотеки, князь Оболенский — глава Архива Министерства иностранных дел, известный археолог; Ф. Толстой, Коровкин, Дружинин — литераторы; музыкант Бахметев...

...Пажи с факелами в руках, отдав последний долг Николаю, сопровождали печальную колесницу. Наступило время Александра II. Благовоспитанные, образованные, элегантные пажи прославились и в Крымскую кампанию...

«Господа, товарищи, братья! Во славу нашего Царя и благоденствия России! Ура!», — открыл торжества в Пажеском корпусе герой Севастополя, блистательный паж, князь В. И. Васильчиков. Его обнимали, целовали; установили его бюст в Пажеском корпусе; имя начертали на мраморной доске. Ура! Во славу... В благоденствии...

...А что же было еще делать? Скамейка холодная и жесткая, и скучно, и совестно — сбежал из интерната, куда весной 1918 года бывшие (еще полтора года назад!) знатные, титулованные родители определили своих детей (в Петербурге бог знает что происходит, все вверх дном; у знатных и титулованных уже не дома, а комнатухи; двуглавые орлы-птицы, сбитые отовсюду, где были, валяются...). Чудаки, знатные: все вверх дном, а они отпрыскам-сынам: учись! Ну да, учись... И весна, и холодно, и жестко, и хочется только есть! Что домой идти? Дома толком нет. Год назад был: крепкий дом потомственных офицеров, дворян Вальбергов. Двуглавый орел пал — умер отец шумного дворянского семейства. В доме той весной вместо Вальбергов то левые эсеры, то красные.

И в Георгиевском, а также в Белом залах его Императорского величества Пажеском корпусе уже не утренний смотр пажей; а в церкви — не молитва; в конюшне — не кони; в инспекторской не инспекто-

ры; и сегодня вечером не бал и не мазурка: там, на Садовой, в шикарном, строенном Растрелли доме — пулеметы. Левые эсеры внутри Пажеского корпуса, красные в Гостином дворе. Что-то между ними происходит...

В общем, есть хочется пятнадцатилетнему дворянину Мише Вальбергу. Лег крестиком, руки-ноги раскинув, на скамейку у Казанского — неудобно, калачиком свернулся — хорошо. Да уснул разве? Дитя, в сущности... Хотел есть.

Иван Михайлович Вальберг подавал прошение Николаю II в 1916 году: «Всемиловейший Государь, сын мой Михаил, коего Ваше Императорское Величество удостоил воспринять от святой купели, достиг уже возраста, требующего окончательного воспитания. Благоволите, Всемиловейший Государь, поместить его в Пажеский корпус и через то удостоить служить при священной особе Вашей тому, который с колыбели приучен благоволять перед оной». Николай собственноручно отметил фамилию Вальберга.

Высшей педагогической инстанцией был во все времена император. Он исключал и назначал. Однажды Государь осчастливил посещением своим Пажеский: в корпусе ставилась доска, выставлялись имена отличившихся пажей (на одной стороне) и погрешивших (на другой стороне): «Будьте уверены, что и впредь ваших имен не забуду», — молвил одним; пожурих других, брал губку, стирал имена: «Всю вашу вину беру на себя, но помните же, что уже теперь я за вас отвечаю и не выдайте меня...»

Паж Михаил Вальберг не смел присягать Временному — только Государю.

...Но наступило утро. И хотелось есть. И все было вверх дном. Утром он встретил полного георгиевского кавалера П. Н. Ежова, вот только что ставшего революционным штабистом, и тот отвел юного дворянина в штаб. И там дали карточки, и на карточки — еду. Мать упала в обморок, узнав, что Миша теперь — красноармеец. Но вспомнили слова умирающего отца-офицера: «Михаил, останешься здесь, эмиграцию я тебе запрещаю...»

М. И. Вальберг жив и живет в Ленинграде. Жив после 17 лет Колымы. Дом, где родился и крещен, в центре Петербурга, нынче у «Ленэнерго»... А в Суворовском училище нынешние русские мальчики со всякими-разными фамилиями такие же красивые и сильные, как и всегда...

Н. КЛЕПИКОВА

Рисунки А. Кожухова

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА

БАЛЛАДА О ПЕСНЕ

Валерий ШУМИЛИН

Песня с экрана в тридцатых сошла,
и подхватила, запела душа:
«Где эта улица, где этот дом?» —
как наваждение в тридцать седьмом.
Черные вороны с шумом спешат.
Тьма ошарашила, шины шуршат.
Голос скрипучий во мраке ночном:
— Вот эта улица, вот этот дом!
«Кавалер барышню хочет украсть...»
Прерван роман — позаботилась власть.
Песню толкнули в холодный вагон:
«Где эта барышня, что я влюблен?»

«Крутится-вертится...» Жизнь или шар?
Чем и кому паренек помешал,
чтобы на долгие годы ему
кануть во тьму,

в никуда,
в Колыму?

Сколько друзей потерял, схоронил.
Песню, однако, в душе сохранил.
В карцере пел, как в мешке ледяном:
«Где эта улица, где этот дом?»
Крутятся-вертятся годы и мы.
В Питер вернулся старик с Колымы:
— Здравствуй, Нева! Сколько лет, сколько зим!
Женщина вдруг окликает: «Максим!»
Впалые щеки, седая коса.
Свет потаенный, бывалая краса.
Поздняя встреча. Не песня, а стон:
«Вот эта барышня, что я влюблен».

Рисунки Н. Саутина

Толоса отчуждения

Е. МУРАШОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

На следующий день и Васька и Жека были на месте. Васька смотрел на меня так же настороженно и мрачно, как в самые первые дни. Как будто бы ждал от меня какой-нибудь пакости. Жека, как всегда, тихо обрадовался моему приходу. Я дала ему пирожок с изюмом (я их покупала в школьной столовой и раньше, но теперь не съедала, а оставляла для Жеки), он поблагодарил и как-то незаметно исчез, задвинулся в какую-то щель, выжидая, как всегда, когда я поговорю с Васькой и выберу время с ним поиграть. Играть Жека почти не умел. Я принесла ему свои старые игры и потихоньку обучала его. Он понимал с трудом, а если понимал, то предпочитал играть сам с собой. Если играл со мной или с Васькой, то страшно боялся проиграть. Мы с Васькой поддавались ему, но он все равно иногда проигрывал и тогда забивался в какой-нибудь угол и долго и безутешно плакал. Я объясняла Жеке, что проиграть в какую-нибудь игру вроде «Шофер I класса» или «Найди золотой ключик» вовсе не страшно

и не обидно, он молча выслушивал меня, но проигрыша по-прежнему панически боялся.

«Васька! — сказала я. — Я целую ночь не спала и все думала, думала, думала...» — «Индюк тоже думал!» — отрезал Васька и сплюнул сквозь щель в передних зубах. Наверное, в знак презрения к моим мыслительным способностям. «Но я так ничего и не придумала,» — честно объявила я. «Угу», — удовлетворенно отозвался Васька. По-видимому, ничего другого он и не ожидал.

Мне очень хотелось выяснить кое-что про самого Ваську, но я сначала боялась его разозлить. Но потом подумала, что если он собирается, то все равно разозлится, как бы я ни старалась. Так что бояться, в общем-то, нечего. «Васька! — решительно спросила я. — А ты сам-то кто? Ты... У тебя чего, тоже родителей нет?» Произнести слово «сирота», которое вертелось у меня на языке, я не решилась. Почему-то я была уверена, что если скажу его, то тут же Васька разойдется обязательно. «Чего ж нет? Есть, — хмуро, но довольно мирно ответил Васька. — Полный комплект». — «Чего комплект?» — не поняла я. «Как чего? Роди-

Продолжение. Начало см. в № 1.

телей.» — «А где ж они?» — «Папаша пятый год зону топчет... Ну, а мамаша... черт ее знает, где она сейчас... Может, жива, а может, сдохла уже». — «Васька! — с упреком воскликнула я. — Разве ж так про мать можно!» Я не хотела упрекать Ваську, потому что уже поняла, как многого я не знаю. Я просто очень удивилась и немного даже испугалась — упрек прозвучал в моем голосе сам собой. Из того недавнего прошлого, когда я была твердо уверена в том, что знаю, что хорошо и что плохо. «Разве можно! Ах! Ах! — визгливо передразнил меня Васька. — А если я тебе скажу: можно! Можно! Можно!!! А если я тебе скажу: она сука! Сука! Сука!!!» — «Васька! — крикнула я. — Замолчи!» — «Ну, замолчал, — Васька сгорбился и сунул руки в карманы. Потом начал кашлять. Кашлял долго, сотрясаясь всем телом и отворачивая в сторону лицо. — А дальше чего?» — спросил он, откашлявшись.

Мне было совсем не жалко незнакомую мне Васькину маму. Наоборот, я ее сама уже почти ненавидела. Жалко было самого Ваську. Я чувствовала: оттого, что он так кричит и ругается, ему самому страшно плохо.

«От тебя тоже отказались, да?» — спросила я. «Не, я не отказник, — усмехнулся Васька. — Я — особ статья. Я — «лишенец». — «Лишенец? — переспросила я. — Лишенец — это, по-моему, что-то другое. Мне бабушка рассказывала. Это что-то про кулаков, по-моему. Которые в деревне». — «То другие лишенцы, — снисходительно объяснил Васька. — А у нас другие. У нас «лишенцы» — это те, у кого родители прав лишены». — «Каких прав? За что?» — «Ну, каких, каких, родительских, ясно-дело, — продолжал терпеливо объяснять Васька. Таким тоном — снисходительным и терпеливым, он обычно говорил с Жекой. И со мной — когда я ему казалась маленькой и глупой. Когда же он считал меня равной себе, то обычно орал и ругался гораздо больше. — За что? Ну, тут за разное. Кто за решетку попал, кто за пьянство, кто еще за что... Ну, это тебе знать не положено, маленькая еще...»

«А у меня родители развелись», — сказала я, чтобы утешить Ваську. «Ну да? — заинтересовался он. — Дрались?» — «Не-а», — это мне было бы даже и не представить. Другую планету — пожалуйста, сколько угодно, но чтобы мама с папой подрались... «Пил отец-то?» — «Нет, он не пьет. И не курит даже». — «Ну, так с чего ж развелись-то?» — спросил Васька. В голосе его явно слышалось разочарование. «У отца теперь другая жена», — объяснила я. «А, вот что! Ясно-дело, — снова оживился Васька. — Стерва?» — «Нет, она — достойный во всех отношениях человек, вполне заслуживший право на личное счастье!» — выпалила я запомнившуюся мне мамину фразу. «Обалдеть! — сказал Васька, задумался, а потом спросил с надеждой. — Ну, хоть посуду-то били?» Я честно вспоминала и обрадовалась, вспомнив: «Ага! Один раз. Зато во-от такую вазу», — я широко раскинула руки. Вазы такого размера я видела только в Эрмитаже. «Дорогая небось?» — «А то! Чешский хрусталь! — гордо объяснила я. — Осколков было — не сосчитать. И все перелива-

ются. Я их потом во дворе раздавала. На солнце смотреть здорово.»

«Ой, Жар-Птица идет!» — пискнул вдруг проявившийся Жека и, раскинув руки, побежал по тропинке. Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла совсем еще молодая девушка. У нее были страшно длинные ноги в черных чулках (казалось, они растут прямо из подмышек), коротенькая зеленая юбка с вышитым на ней золотым цветком и широкий, ярко-красный пиджак. В ушах висели пластмассовые лиловые серьги, в тон нарисованному на скулах румянцу. Ресницы у нее были такие огромные, что видны даже мне, издали. «Точно, Жар-Птица!» — восхитилась я.

Девушка присела перед Жекой на корточки, поставила между колен большую яркую сумку на молнии и принялась выгружать из нее прямо на землю какие-то свертки. «Кто она?» — тихо спросила я у Васьки. «Повариха! — шепотом объяснил он. — В железнодорожной столовке работает. Жеку любит. Прикармливает. Он ее Жар-Птицей зовет. Ей, вроде, нравится». Сунув напоследок пластмассовый красный автомобильчик, Жар-Птица потрепала Жеку по волосам, издали помахала рукой нам с Васькой и пошла дальше.

Я решила, что когда вырасту, обязательно куплю себе черные чулки. В них не видно синяков и ссадин, и тогда ноги у меня будут такие же гладкие и красивые, как у Жар-Птицы. Потом я опустила глаза и рассмотрела свои ноги. Они были страшно тонкие, а колени торчали вперед, как нащепки. Я вздохнула и подумала, что мне, пожалуй, и черные чулки не помогут.

Когда я подошла к сараю, Васька разгребал угли и готовился засыпать туда вялую картошку с бледно-розовыми ростками. Жека неподалеку ковырял палкой землю. Заметив меня, он поднял над головой огромную картофелину. «Смотри, что мне Васька дал, — гордо сказал он. — Я ее сейчас посажу и буду поливать. А потом на ней картоха вырастет». — «Хорошее дело, — согласилась я. — Только сажать надо не здесь. Здесь, смотри — и земли-то нету, стекло да кирпичи. Да и тень всегда. Надо вон там, сбоку. Там солнце часто и земля. Пойдем, вместе посадим». — «Пойдем!» — охотно согласился Жека и побежал в указанном мной месте.

«Сначала нужно вокруг немного землю вскопать...» — объяснила я и показала, как это делается. «Эй, огородники! — крикнул Васька. — Возьмите еще пару картох. На жрачку хватит». — «Давай, давай», — согласилась я и наклонилась к Жеке, чтобы помочь ему взрыхлить землю. И почувствовала какой-то кислый и неприятный запах. «Знаешь, — сказала я Ваське, — от него почему-то пахнет болгарской палочкой». — «Какой еще палочкой? — удивился, но не рассердился Васька. В баню надо — и все дела. Будут гроши — сходим». — «Болгарская палочка живет в ацидофиле, — объяснила я. — Я ее терпеть ненавижу, хотя и пью каждый вечер по полной кружке». — «Какая еще ацидофилина? И зачем тебе каждый вечер по кружке этих... палочек?» — спросил Васька с каким-то даже сочувствием. Я, как могла, объяснила. Все дело было опять-таки

в бабушкиной медицине. Я вполне неплохо отношусь к простокваше, а ряженку так даже очень люблю и согласна пить ее по три раза в день, особенно если с сахаром. Но бабушка считает, что пить надо именно ацидофилин, который так противно пахнет, потому что от него в кишках не то сразу все перегнивает, не то, наоборот, проваливается, не успев загнить. Сказал ей об этом какой-то Мечников, который, наверное, слегка того, потому что по его словам выходит, что если пить много ацидофилина, то и вообще никогда не умрешь. Я в это не верю и бабушка, кажется, тоже, но по чашке ацидофилина в вечер я все же имею. На всякий случай.

Оставив Жеку сажать остальную картошку, я вернулась к Ваське и присела рядом с ним на корточки. Некоторое время мы оба смотрели на тлеющие угли костра, потом Васька протянул руку и стал палкой переворачивать картошку. Смуглая Васькина рука вылезла из рукава куртки. Чуть выше запястья она была багрово-сизой. «Что это у тебя, Васька?» — спросила я. Проследив мой взгляд, Васька отдернул руку и сплюнул в костер. «Чухня! — презрительно сказал он. — Чирьяк вылез». — «Может, полечить чем?» — предложила я. «Чухня! — повторил Васька. — Заживет как на собаке. Будет шибко гнить — разрежу к чертовой матери!» — он указал на нож, воткнутый в землю. Я поежилась. Потом спросила: «Вась! А Жеку, кроме как теми таблетками, больше ничем нельзя лечить?» — «Тот врач сказал, можно еще операцию на мозгах делать. Но это не всегда. Ну, и сама понимаешь, это в доме жить надо. Чтобы семья и вообще все...» — «Ну, а кроме операции?» — «Вроде больше ничего. Ты вот говорила — у тебя бабка врач. Ты бы и спросила у нее, осторожно, конечно. Чтобы не объяснять ничего... А я бы уж сделал...» — «Спрошу», — пообещала я. «А так я с ним даже в церковь ходил, — сказал Васька. — В Лавру, что за площадью. Свечку ставил, во здравие. Чтоб он, значит, выздоровел поскорее...» — «Чего это тебе такое в голову взбрело?» — удивилась я. «А-а! Так как-то, — Васька пожал плечами, словно сам себе поразился. — Старушка тут одна ходила. Бутылками промышляла. Вот она Жеку-то заметила, с сердцем к нему. А меня вроде побаивалась. Однако говорит как-то: Сходи, милоч, в церковь, поставь свечечку. Господь сирот любит, авось смилостивится. Ну, я и...» — «Какой ты все-таки темный, Васька! — рассмеялась я. — Бога ведь никакого нет. Это его люди придумали, от необразованности всякой. Вот я тебе сейчас объясню...» — «Да не надо мне ничего объяснять, — с досадой оборвал меня Васька. — Я и сам в Бога не верю. Но есть такие, которые верят. И не один такой, и не сотня даже. Значит, может и так дело обернуться, что все-таки есть там чего-то... А мне че — трудно свечку поставить? Не трудно. Авось поможет. Да и Жека пристал: сходим в церковь, да сходим в церковь... Это он еще в инкубаторе от Родьки Божьего Человека наслышался...» — «А кто это Родька Божий Человек?» — спросила я. «А, пацан один, Жекин кореш, — охотно объяснил Васька. — Его бабка растила. И была, видать, шибко веру-

ющая. Все молилась, да молилась. И Родька с ней». — «Он столько молитов знает — ужас, — вмешался подошедший Жека. — Два часа без передыху шпарить может». — «Ну да, — согласился Васька. — А потом бабка померла, родителей не сыскалось и отдали Родьку в инкубатор. А он все молится да молится. Спервоначалу его за это шибко ругали, в карцер сажали, среди нас агитацию делали, чтоб, мол, Родьку не слушали и, наоборот, смеялись над ним. А он смирный такой, ко всем ластится — чего ж его изводить-то? А потом тетка Марфа сказала, чтоб оставили его в покое. Чем, мол, сирота не утешается, все хорошо...» — «Я по Родьке жутко соскучился», — задумчиво сказал Жека. «Может, когда свидетесь, — утешил его Васька. — Ну че, посадил картохиты?» — «Ага! И полил уже!» — гордо сообщил Жека. «Ну ладно, тогда давайте жрать, — решил Васька. — Я картохи выгребая, а ты, Ольга, хлеб нарежь...» — «Я, Вась, соль принес», — Жека достал из кармана грязный мешочек. «Молодец!» — похвалил Васька, а Жека от его похвалы расплылся в широкой улыбке.

* * *

Вожатая Валя вошла в класс вместе с учительницей географии и нашей классной руководительницей. Она оглядела нас и спросила: «Ребята! Кто хочет в пятницу пойти в детский дом и выступить там с концертом художественной самодеятельности?» Все, кто занимался своими делами, продолжали ими заниматься, а остальные, кто был ничем не занят, стали смотреть в разные стороны. В основном смотрели на крышки парт. Я подняла руку и сказала: «Я пойду!» Валя очень обрадовалась: «Молодец, Оля! Ты у нас неравнодушная девочка! Это хорошо! А что ты умеешь?» — «Я могу стихи почитать, — сказала я. — Я их много знаю». — «Давайте я пойду! — вскочила Зина Лучко. — Я с лентой покажу композицию. Новую. Она у меня немного недоработана, но это ничего, наверное, да?» — «Конечно, конечно, Зиночка!» — проворковала Нина Сергеевна. «Я тоже», — вдруг тихо сказала Ира Смирнова. Я страшно удивилась. И все другие, по-моему, тоже. Представить, что Ира, с ее вечной молчаливостью, может перед кем-то выступать, было очень трудно. «Может быть, тебе не надо, Ирочка?» — как-то нерешительно спросила Нина Сергеевна. «Надо!» — тихо, но твердо сказала Ира.

* * *

«Я сейчас переоденусь и уйду!» — сказала я дома. «Куда это? А обедать?» — поинтересовалась бабушка. «В детский дом. У нас там самодеятельность», — объяснила я. «Это доброе дело, — согласилась бабушка. — Может, вот пряники с собой возьмешь? Свежие, с повидлом, с утра только купила. Угостишь там кого...»

Я вспомнила реакцию Васьки на «подачки» и, подумав, отказалась.

В школьном вестибюле собралось человек 15, которые должны были идти в детский дом. В основном — малыши-младшеклассники. Ира Смирнова сидела на низкой скамеечке и читала. Зина

Лучко подошла ко мне и спросила, тараща выпуклые зеленые глаза: «Ты как думаешь — я вот тут печенья взяла? Наверное, нормально, да? Я хотела конфет, так ничего вкусного не было. Так я печенья... Нормально, да?» — «Нормально», — сказала я. Зина считает так, я — иначе, зачем навязывать ей мое мнение? К тому же она не знает Ваську. Чем я ей докажу?

* * *

Сначала выступали сами детдомовцы. Они все были стриженные и аккуратно одеты. Но аккуратность эта была какая-то гостиничная. Словно она, эта аккуратность, не принадлежит им самим, а взята напрокат и подлежит возврату. Не знаю, как сказать точнее.

Малыши-детдомовцы в зеленых рубашках и фуражках танцевали какой-то танец. Они ходили по кругу, хлопали в ладоши и пели: «Храбрые мальчишки, нечего тужить! Тоже вы пойдете в армию служить! Эх, левой! В армию служить! Эх, левой! Нечего тужить!» Я смотрела на них и думала: тот это детдом или не тот?

Воспитатели вместе со своими воспитанниками сидели на стульях вдоль стены. У входа в зал толпились нянечки, повара. Все они были в белых халатах, только одна толстая, немолодая уже женщина была в халате цветном — красные розы по зеленому полю. На шее у нее висели бусы. Я почему-то решила, что это тетка Марфа.

Потом был перерыв. Наши малыши смешались с детдомовскими и их было уже не различить. Зина Лучко кормила печеньем всех подряд, и все радовались. Старшие детдомовцы стояли отдельно и в малышачьей радости участия не принимали. Все они были немного похожи на Ваську. Вокруг вожатой Вали и нашего завуча Валентины Андреевны образовались галдящие круги, из которых задавали сразу по несколько десятков вопросов. Валя, смеясь, отвечала, а Валентина Андреевна растерянно оглядывалась по сторонам. Вдруг я снова увидела женщину в пестром халате. Она держала за руку мальчика лет восьми и говорила ему хриплым басом: «И вечно ты, Родька, глупость какую спросишь! Сколько раз тебе повторять: не лезь ты к людям со своими глупостями! Стой вот здесь. Или вон с ребятками повозись. Все дело...» Она отпустила мальчика и куда-то ушла, а он послушно стоял на месте и крутил коротко стриженной головой. «Родька Божий Человек», — вспомнила я и, как волны разводя руками галдящих малышей, пошла к нему. Он заметил меня и смотрел мне прямо в глаза, не отводя взгляда. «Тебя Родькой зовут?» — спросила я. «Ага. А ты откуда знаешь?» — «А вот знаю, — таинственным шепотом произнесла я. — Я все знаю. Я — волшебница». — «Ну да? — не очень удивился Родька. — А вот скажи тогда, где сейчас моя бабушка?» — «Вот черт! — подумала я. — Сфантазировала на свою голову. Ну как теперь выкрутиться?» Тут я

вспомнила про Родькину веру и решила идти напролом. Во всяком случае все сразу станет ясно. «На небе твоя бабушка. В раю. Где ж еще?» — сказала я, как о чем-то само собой разумеющемся. Вот тут уж глаза у Родьки действительно стали круглыми от изумления. «Ты... ты... — срывающимся голосом прошептал он. — И вправду все знаешь?» — «Все!» — подтвердила я, гадая, какую еще проверку изобретет для меня Родька. «А Жека Андреев тоже в раю?» — вдруг спросил Родька. Я вздрогнула от удивления. «С чего это ты взял? — воскликнула я. — Жив, здоров Жека, по тебе скучает». — «Правда? — Родька даже подпрыгнул от радости. — Вот хорошо-то! А я и не верил, ни капельки не верил!» — «Чему не верил-то?» — «Ну, когда Васька с Жекой сбежали, нам Тамара Александровна сказала, что Жека умер. И что все умрут, кто будет бегать. А я не верил. Ни капельки. И каждый вечер за него молился. За здоровье, как за живого. Вот!» — «Чудеса! — подумала я. — А как бы эта самая Тамара Александровна предъявила им живого Жеку, если бы его поймали?» — тут я вспомнила про специнтернат и все поняла. Ну конечно же! Если Жеку поймут, то его сразу отправят в тот самый интернат для умственно отсталых, про который говорил Васька. И Родька об этом, естественно, не узнает. «Жека жив, — сказала я. — И Васька жив тоже. Они оба передают тебе привет». — «Жека нашел свою маму?» — спросил Родька, отводя глаза. «Нет, еще не нашел». — «Передай ему, — горячо сказал Родька и схватил мою руку своими маленькими сухими руками. — Передай ему, что я его помню. И что я буду молиться за него... «От стрелы, в ночи летящей»...» — быстрой скороговоркой прошептал он.

В это время перерыв кончился, и все снова расселись по своим местам. Родька убежал, но я, даже не видя его, чувствовала на себе его взгляд.

Сначала наши малыши тоже танцевали, читали стихи и разыгрывали какую-то сказку, кажется, «Теремок». Я почти ничего не видела и не слышала. Потом выступала Зина Лучко. Она выбежала в голубом купальнике с серебряной отделкой, а в руке у нее была какая-то палочка. Зина взмахнула палочкой, и та развернулась голубой лентой, которая то закручивалась спиралью вокруг Зины, то волной стояла на полу, то образовывала вокруг Зины голубой блестящий круг. Сама Зина гнулась в разные стороны, ходила колесом, садилась на шпагат и все это, не выпуская ленты из рук. Все вместе было очень красиво. Зине долго хлопали, особенно старшие детдомовцы, а один черноволосый мальчик, чем-то похожий на Ваську, подошел к ней и дал ей белую гвоздику. Зина страшно покраснела, поклонилась и убежала. Мальчик тоже покраснел и долго стоял на месте, словно забыв, что ему теперь нужно делать. Потом Ира Смирнова прочла юмореску из школьной жизни. Она читала очень хорошо, с выражением, и почти не подглядывала в бумажку. И юмореска была очень смешная. Но почему-то почти никто не смеялся. Ира побледнела и очень расстроилась, а мне показалось, что детдомовцы просто не поняли, о чем идет речь.

Следующая очередь была моя. Накануне ко мне подошла Валя и спросила: «Ты что будешь читать?» — «Что-нибудь про животных, — сказала я. — Можно?» — «Можно, — согласилась Валя, — только чтобы громко и с выражением. Я тебя проверять не буду — мне сейчас некогда. Но ты ведь не подведешь, ладно?» — «Ладно», — сказала я.

Я вышла на середину круга и сказала: «Асадов. «Стихи о рыжей дворняге».

«Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
Прощай, брат, хоть жаль мне, не скрою,
Но все же тебя я покину...»

Я читала тихо и без всякого выражения. Вовсе не назло Вале, нет, я просто знала, что эти стихи читать нужно именно так. И еще я знала, что не должна читать эти стихи. Но все равно читала. А все детдомовцы смотрели на меня застылыми глазами. На последней строфе я вдруг почувствовала, что глаза у меня мокрые, задрала вверх подбородок, чтобы слезы не вылились из глаз, и сказала громко и четко:

«...Старик! Ты не знаешь Природы!
Ведь может быть шкура дворняги,
А сердце чистейшей породы!»

Многие малыши и некоторые нянечки плакали. Валя хотела увести меня, но я вдруг вспомнила про Ваську и начала читать громко и с выражением:

«Весь жар отдавая бегу,
В залитый солнцем мир
Прыжками мчался по снегу
Громадный бенгальский тигр.

Клыки оскалены грозно,
Сужен колючий взгляд.
Поздно, слышите, поздно!
Не будет пути назад!...»

Я ненавидела себя и ликовала одновременно. И еще, несмотря на свой крик, видела и слышала все, что происходило в зале. «Что, что она делает?!» — громко шептала Валя Валентине Андреевне. «Она же ребенок, — отвечала та, — и ничего не понимает. У нее возникли эмоции, вот она их и выражает. И замечь, как точно она подобрала стихи...» Но я все понимала. И ничем не оправдывала себя. Родька кулаком по колену отбивал такт. Женщина с бусами вытирала глаза воротником халата.

«...Следы через все преграды
Упрямо идут вперед.
Не ждите его, не надо,
Обратно он не придет!» —

выкрикнула я. В зале рыдали. И уже не только малыши. Если бы меня в тот момент убило громом, я бы сочла это справедливым. Вдруг Родька вскочил на стул и крикнул высоким, срывающимся голосом: «Хватит реветь! Жека Андреев — жив! И Вася Ганзин — жив! Они живы!» И вдруг на мокрых от слез мордашках зажглись улыбки, кто-то несмело крикнул: «Ура!» — в другом конце подхватили, воспитательница с рыжей челкой подбежала к Родьке и визгливо спрашивала: «Откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь!?» Малыши повскакали с мест и подпрыгивали от радости, а один из стоящих у стены мальчишек громко повторил строчки: «Не ждите его, не надо, обратно он не придет!»

У меня в голове что-то словно взорвалось. Я стиснула руками виски и выбежала из зала.

Дома я сказала маме, что хочу спать и сразу легла в постель. Часов в 10 вернулась из гостей бабушка, растолкала меня, измерила температуру, напоила чаем с облепихой, заставила прополоскать горло и уже хотела поставить мне клизму, но тут я страшно заорала, что никакой клизмы мне не нужно и пусть меня все оставят в покое. У бабушки после гостей было бодрое настроение, и она уже собралась со мной поругаться, но мама остановила ее. Тогда бабушка начала ругаться с мамой, но для этого они из педагогических соображений ушли на кухню.

* * *

Около сарая никого не было. Я постучала по уже известной мне доске, ожидая, что оттуда, как всегда, вылезет Жека. Но из открывшейся щели высунулся Васька, сказал недовольно: «Приперлась, да?» — и снова скрылся. Я поняла это как приглашение войти. Отодвинув доску, я с некоторой даже опаской заглянула внутрь. В самом жилище Жеки и Васьки я еще не была ни разу. Они не приглашали, а я не напращивалась.

Внутри сарая пахло чем-то прелым и пыльным. Весь сарай был темный и в этой темноте угадывались какие-то огромные ящики, ряды которых подпирали потолок. В одном из углов мерцал оранжевый огонек. Я протиснулась в щель и пошла на свет. «Осторожней! — сказал Васькин голос. — Там полешки по полу рассыпаны...» Предупреждение немного запоздало. Я споткнулась об откатившееся полено, наступила еще на одно и растянулась на влажной, холодной земле. «Вот дура-то! — беззлобно выругался Васька. — Два шага пройти не может, чтоб не грохнуть... Жеку не видела?» — «Нет, а где он?» — «Да погулять пошел. Время вышло, а его все нет... Проходи вот здесь. Сюда садись, что ли... Да осторожней ты!» Я присела на указанное Васькой место и огляделась. Все щели в жилом углу сарая были аккуратно заткнуты сеном и тряпками, кое-где облитыми варом. На земле лежал большой щит из досок, похожий на секцию забора, ограждающего стройплощадки. Из ящиков был сделан стол и четыре «стула». Поверх охапки сена, на досках, крест-накрест лежали два полосатых матраса и еще какое-то тряпье. Освещалось все это керосиновой лампой, стоящей на столе. Васька сидел на одном из «стульев», несмотря на холод, голый по пояс и пришивал к рубашке оторванный воротник. «Давай я пришью», — предложила я и протянула руку, чтобы забрать рубашку. «Иди ты!» — огрызнулся Васька, закашлялся, уколол палец, выругался и стал высасывать ранку, зло глядя на меня. «Ты чего сегодня такой сердитый? — спросила я. — От холода, что ли? Я вот тут полпирога принесла. С капустой...» — «Иди ты со своим пирогом!» — сказал Васька, снова склоняясь над шитьем. Я заметила, что воротник буквально расползается под Васькиными пальцами, вспомнила про бахрому на его брюках и подумала

о том, что у меня есть масса всяких кофт и штанов, которые я уже не ношу и никогда носить не буду. Неплохо было бы принести все это сюда. Мама, конечно, охотно отдаст, надо только предложить какой-нибудь придумать. Но вот как заставить Ваську их взять? Я с сомнением взглянула на Ваську и вдруг заметила у него на плече широкий нежно-розовый шрам, который резко выделялся на смуглой коже. «Что это у тебя?» — я протянула руку, но дотронуться до шрама почему-то не решилась. «Не твое дело!» — Васька передернул плечами так, словно я до него дотронулась. Точнее, даже не я дотронулась, а он сам дотронулся до чего-то скользкого и неприятного. «Ну, и не хочешь говорить, и не надо, — обиделась я. — Больно мне нужно!» — «Конечно, нужно, — неожиданно философски заметил Васька. — Все девчонки страсть какие любопытные. И ты тоже». — «Ну и что с того?» — с вызовом спросила я. Мне почему-то захотелось поругаться с Васькой. Наверное, заговорила бабушкина кровь. «А ничего, — Васька устало вздохнул и через голову, не расстегивая пуговиц, натянул рубашку. — Это, если хочешь знать, — он положил правую ладонь на плечо со шрамом. — Мне один мамашин хакель заехал. Розочкой». — «Розочкой?» — не поняла я. «Ну, бутылкой битой. Они перепились все вдрызг. Ну и разодрались с чего-то... Он начал мамашу колошматить... Ну, я и вступился... Вот — получил. Кровищи было! Я думал, вся вытечет...» — «И чего? В больницу увезли?» — я старалась даже мысленно не сосредотачиваться на обстоятельствах Васькиного ранения. Сразу перескочила вперед. «Ха! В больницу! В водке пальцы намочил, чтоб заразы не было, края свел, Люська забинтовала. Мамаша потом, когда проспалась, перевязала...» — «Вась, — тихо спросила я. — А ты вот ругаешься на мать-то свою, а все же вступился... Это почему, а?» — «Ну, спросишь! — Васька хмуро смотрел в пол, мямля в пальцах окурков. — Мать все же... Хотя они там все хорошие были... Но это все чухня! Чухня! — вдруг вскрикнул он. — Я ей Люську простить не могу — вот что!» — «А кто это — Люська?» — «Сеструха моя — вот кто! Жеки на два года старше была бы. У нее сердце больное было. Говорили, порок. От рождения. От водки этой, что родители хлестали. Ее лечить надо было. Ей покой был нужен, а у нас что ни день — то дым коромыслом. И все при ней. И пьяные, и что потом... Я ее носом к стенке на диван клал, сам сбоку ложился и уши ей ладонями закрывал. Но так она все равно все слышала... Умерла она. Я ее в больницу свез, да поздно уже... Вот чего простить не могу!» — «Вася!» — я встала со своего места, еще не зная, что сделаю в следующий момент. «Что-то Жеки долго нет! — сказал Васька. — Ты пойдди, поищи его. А я чаек сварганю. К твоему-то пирогу. Сам я сегодня ничего не достал...» — «Так вот почему он был такой злой! — догадалась я. — Вот почему отпустил Жеку гулять одного... И где это он оторвал воротник?» Васька! Васька! Что-то такое непонятное росло во мне. Не то злость, не то сила, не то отчаяние. Я просто всеми ощущениями ощущала, что вокруг Васьки и Жеки сжи-

мается какой-то круг. Есть ли из него выход? Как его разомкнуть? Чтобы не разреветься, я выскочила на улицу и побежала вдоль сараев, разыскивая Жеку.

Заскочила на Жекин «огород», где он ежедневно и старательно поливал высаженную картошку. Там его не было. Заглянула к Пирамиде. Заметив меня, овчарка подняла морду и лениво постучала об землю пыльным хвостом. Потом, словно лишившись последних сил, упала на бок и замерла, вытянув все четыре лапы.

В поисках Жеки я выбежала к краям платформ, хотя и знала, что сюда он никогда не ходил. Изгибающиеся концы платформ были похожи на хвосты огромных серых змей. Хвосты были почти безлюдны — все люди толпились у собранных к вокзалу голов. Только на одной из платформ были навалены зеленые рюкзаки, на которых сидели и чего-то ждали старые туристы. Я так подумала про них — «старые туристы», а потом сама себя спросила: «почему же старые? Ведь им не так уж много лет?» У них все было выцветшее, почти выбеленное солнцем — палатки, рюкзаки, штормовки. Почти у всех женщин были длинные волосы, закрученные в кички на затылках, а у мужчин — очки, бороды и морщины — от носа вниз,

по бокам подбородка. И еще между бровями, у всех, у мужчин и у женщин. Один из них сидел отдельно, на каком-то ящике, перебирал струны старой гитары и пел негромко: «...Но есть еще надежда до той поры, пока атланты небо держат на каменных руках...» Чехол от гитары валялся у его ног. Мне показалось, что все они кому-то что-то доказывают. Может быть, себе... И еще я подумала, что еще совсем недавно я их, наверное, даже не заметила бы. Ну, во всяком случае, не стала бы про них так долго думать.

На платформах Жеки тоже не было. Я побежала обратно и вдруг мне показалось, что между вагонами я слышу Жекин голос. Только какой-то странный. Я нырнула под колеса вагона, потом еще одного и вдруг увидела Жеку. Его держал какой-то здоровый краснолицый дядька, а Жека вырывался и просил: «Ну пустите меня! Я же не брал ничего, я только посмотреть!»... — «Поверил я тебе, как же! — неожиданно тонким голосом закричал дядька. — Лазают всякая шваль по вагонам, а потом все пропадает! А отвечать кому?! Вот сдам в милицию, там и разберутся! А ну пошли! А ну пошли, я тебе говорю, сучонок проклятый!» Я прыгнула вперед и вцепилась дядьке в рукав. «Отпустите его, пожалуйста! — закрича-

ла я. — Он не может ничего украсть! С ним нельзя так! Он больной! Отпустите!» — «А-а! — взревел дядька. — Да вас тут целая шайка! — он словно клещами сдвинул мою руку повыше локтя. Из рта у него пахло прокисшими опилками. — Больной он, вишь! А я, значит, здоровый! Я, значит, отвечай! Не выйдет, сучье племя! А ну, пошли оба за мной!» — он вывернул мне руку назад, а Жеку схватил за ухо. Жека коротко взвизгнул, а потом вдруг завопил неожиданно радостно: «Тарас! Тарас! Спаси нас, Тарас!» Я глянула вбок, и опять на том месте, которое только что было пустым, бесшумно, словно из ничего, возникла огромная дворняга. Но на этот раз она смотрела прямо на нас, и кожа у нее на носу была собрана в складки, обнажая огромные клыки. «Тарас! Взять его!» — ничего не соображая от боли в выкрученной руке, крикнула я. Глухо зарывав, пес шагнул вперед. Я почувствовала свою руку свободной, а вырвавшийся Жека кинулся к Тарасу и обнял его за шею. Пес остановился, продолжая ворчать. «Ну подождите, сучье племя! — негромко сказал дядька, отступая к вагону. — Вы у меня еще попомните! Попомните!» — крикнул он, взобравшись на подножку. «Р-р-ав!» — сказал Тарас, и я могла бы поклясться, что в голосе его прозвучало презрение. «Нормально, — подражая Ваське, сказала я, стараясь унять дрожь в руках и коленях. — Нормально!» Жека смотрел на меня с каким-то безнадежным испугом в глазах. «Но есть еще надежда до той поры, пока атланты небо держат на каменных руках!» — с чувством продекламировала я. «А атланты — это кто?» — оживая, спросил Жека. Тарас вывернулся из Жекиных рук и неслышно растворился в сгущавшихся сумерках. И я в очередной раз удивилась: как это не хрустнет под его огромным телом ни камешек, ни ветка... Жека смотрел на меня. «Атланты — это скульптуры такие. Каменные люди. На домах стоят. Как будто бы балкон держат или еще чего...» — «А небо?» — спросил Жека. «Может быть, и небо, — сказала я. — Чего оно, в самом деле, не падает?» — «Я думал, — сказал Жека. — И ничего не придумал. А атланты добрые — да?» — «Да, добрые, — согласилась я. — И усталые. Хочешь посмотреть?» — «Да, хочу, — быстро ответил Жека. — А чего?» — «Ну, атлантов, — нерешительно объяснила я, соображая, как отнесется к моей затее Васька. — Погуляем пойдем, я тебе покажу... А сейчас домой пошли. Васька, небось, извелся весь...» — «Пошли», — согласился Жека и взял меня за руку. Ладонка у него была теплая и мокрая.

Ваську мы встретили по дороге. «Наверное, не выдержал — подумала я, — сам пошел нас искать». Он стоял на куче вымазанного мазутом гравия и, размахивая руками, объяснял человеку, сидящему на подножке старого вагона: «Ну такой, черный, понимаешь? Ну такая голова большая... Ну как котел... И девчонка. В платье и куртка поверх. Не видел?» Человек отрицательно покачал головой. Он был очень странный. Длинные и прямые белые волосы свешивались на шею и плечи, на голове громоздилась бежевая сетчатая шляпа, а на ногах почему-то были растрескавшиеся

лакированные туфли. Очень странный был человек.

«Васька! — крикнула я. — Тут мы! Нашлись!» Васька оглянулся, обрадовался (это было по глазам видно), но тут же начал ворчать: «И где вас черти носят! Больше мне делов нет, как за вами бегать! А этому отродью вообще голову открутить мало! Что я тебе говорил...» Человек, сидящий на подножке, с любопытством слушал Васькино ворчанье и улыбался. Потом спросил: «Братишка ваш, что ли?» — «Нет», — ответила я. «А как же? — заинтересовался человек. — Коммуной, что ли, живете?» — «А тебе-то что за дело? — окрысился Васька. — Я ж тебя не пытаю: кто такой, да чего здесь делаешь!» — «Можешь и спросить, отчего же, — спокойно сказал человек. — Я отвечаю, пожалуй». Мне показалось, что ему скучно и хочется поговорить. «А что вы здесь делаете?» — вежливо спросила я. Жека присел на корточки и начал строить из гравия забор. Васька хмуро смотрел куда-то в сторону. «Я ищу», — доброжелательно глянув на меня, ответил человек. Глаза его — добренькие щелочки — немного смеялись, но лицо оставалось серьезным. «А что вы ищете?» — спросила я. «Да так, трудно вам, да еще так сразу, объяснить...» — «А ты попробуй, — неожиданно вмешался Васька. — Авось да пойдем чего...» — «Ну, если попроще, то можно так сказать — хотелось бы суть найти в этой жизни, понять, в чем ее стержень, на чем держится и вокруг чего вертится все...» — «А — суть! Ну да! — Васька явно издевался, но человек то ли не замечал этого, то ли не хотел замечать. — И как — нашел?» — «Да пожалуй, нет еще». — «А давно ищешь?» — спросил Васька. «А может, не там?» — спросила я. «Может, и не там», — грустно согласился человек. Странный человек. Что-то я раньше таких не видела. «Меня зовут Ольга, — сказала я. — Их — Васька и Жека. А вас как?» — «Меня — Матвей. Чаще зовут — Моня. Моня Искатель. Можете и вы так звать». — «Неудобно как-то, — возразила я. — Вы же взрослый». — «Взрослый, — усмехнулся Моня. — Ерунда это — взрослые, дети. Все мы в одном звании на этой земле — человеки». — «А работаешь ты где?» — спросил Васька. «А! Где я только не работал!» — Моня беспечно махнул рукой. «Так, не вкалывая по делу, и не найдешь ни черта!» — твердо сказал Васька. «То есть ты хочешь сказать, — уточнил Моня, — что пока я не стану винтиком какого-нибудь механизма, я не смогу понять суть его работы? Это спорная мысль». — «Дак ты и так винтик, — усмехнулся Васька. — Только не в моторе крутишься, а так, — он сплюнул себе под ноги, — в пыли валяешься». Я думала, что Моня обидится и прекратит с Васькой разговаривать, но он почему-то даже обрадовался. «А ты не глуп, Васька! — воскликнул он. — Ой, как не глуп!» — «Ну, в дураках не ходим, это точно», — солидно согласился Васька, и мне отчего-то стало очень смешно. Я засмеялась. Васька, Моня и даже Жека с удивлением посмотрели на меня. «Моня, а когда вы найдете то, что ищете, то что вы будете делать?» — отсмеявшись, спросила я. «Не знаю. Умру, наверное», — спокойно

сказал Моня. «А зачем же тогда искать?» — хотела спросить я, но не успела. «Вот так — да? — задумчиво спросил-сказал Васька, неожиданно резко вскинул на Моню черные, блеснувшие знакомой мне злостью глаза. — Слышь, искатель, а у тебя дети есть?» — «Дети? — Моня задумался, достал из кармана мятную сосучку, развернул ее, сунул в рот. Потом достал другую, молча показал Жеке. Жека отрицательно покачал головой. Я уже неплохо понимала Жеку и видела, что Моня ему почему-то не нравится. — Дети... Может, и есть где...» — «Где?» — жестко спросил Васька. «Не зна-аю, — Моня улыбнулся добро и немощно. — Я своим детям жизнь не порчу. И бредни свои не навязываю. Пусть живут, развиваются. По природе». — «А ты, значит, ищешь?» — «Ищу». — «А они, значит, развиваются?» — «Ну, развиваются», — нерешительно, с ноткой беспокойства

подтвердил Моня. «Вот так, к примеру, как я. — Васька указал на свои лохмотья. — Или как он, — грязный палец уперся в Жеку, который поднял голову от почти достроенного забора и вопросительно взглянул на спорящих. — Или еще как. Перечислять не буду. Сам небось знаешь, искатель...» — «Может быть, ты и прав, — подумав, согласился Моня. Из глаз его исчезло спокойное добродушие. Вместо него появилась белая тоска. — Я, понимаешь, как-то с самого начала постулировал, что так, как все — это плохо, скучно, некрасиво. Трудно, ох, как трудно в нашем мире оставаться человеком — не лгать, не льстить, не красть, не завидовать. Вот я и подумал, что должно быть что-то другое. И вот — ищу, ищу...» — «А и нет ни хрена!» — торжествующе закончил Васька. «Знаешь, Вася», — Моня вдруг засуетился, копаясь в карманах, вытаскивал ка-

кие-то бумажки, мятные карамельки, и снова засовывал все это обратно. Потом выудил из этого хлама потертую на сгибах десятку и протянул ее Ваське. Я заткнула пальцами уши. Это помогло, но мало. «Пошел ты со своими вонючими деньгами! — завизжал Васька. — Сволочь! Гад! Христосик! Откупиться хочешь! От своих детей! Пошел ты!» — Моня закрыл лицо руками и вздрагивал от каждого Васькиного вскрика. Мне было его жалко, но что я могла поделаться! Я взяла Жеку за руку, шепнула: «Пошли!» Васька, видя, что Моня не отвечает ему, быстро стихал и вскоре тоже бросился прочь, обогнав нас с Жекой.

Уже у самого сарая мы с Васькой заметили, что Жека беззвучно плачет, не вытирая текущих по щекам слез. Васька засуетился, и я поняла, что он боится припадка. Васька повел Жеку спать.

«Вася, — сказала я потом. — А давай как-нибудь сходим в город. Погуляем. Я Жеке обещала атлантов показать». — «У тебя что, совсем крыша поехала?! — снова обозлился Васька. — Куда мы сунемся! Соображаешь! Нас же спадают сразу!» — «Да нет же! — успокоила я. — Мы в центр пойдем. Я там каждый проходной двор знаю. В случае чего, я уведу Жеку, а ты сам увернешься. Давай сходим, Вася... Жеке же нужны какие-нибудь развлечения. Чтоб он развивался...» — «Развивался?» — усмехнулся Васька, и я вместе с ним вспомнила Моню Искателя. «Жалко его», — сказала я. «Да, жалко, — неожиданно согласился Васька. — Ничемушный он какой-то». — «Ну, так пойдем? — напонила я и, чтобы предупредить очередной Васькин взрыв, быстро добавила. — А я вот тут вам книжки принесла». — «Книжки?! — страшно удивился Васька. — Зачем это?» — «Как зачем? Читать. Ты... ты читать-то умеешь?» — мне вдруг отчего-то стало не по себе. «Умею, умею, — успокоил меня Васька. — Только не шибко это дело уважаю». — «А Жека?» — «Жека — нет. Он учился... в первом классе. Но что-то у него там не склеилось... Буквы знает». — «Ну, ему я читать буду». — «Ну давай, давай, — Васька явно подобрел и даже заулыбался. — Жека спит уже, так что я тебя внутрь не зову. Ты там обязательно налетишь на что и его разбудишь. Так что ты подожди тут чуток, я сейчас книжки отнесу и пирога тебе твою долю вынесу...» — «Вась, да не надо мне пирога! — неосторожно отмахнулась я. — Ешь сам. Я ж сейчас домой ужинать пойду!» — «Вот так — да? — тихо сказал Васька. — Ну, так и катись... Катись!» — неожиданно закричал он. Я рассмеялась. «Ты чего?» — Васька удивленно буравил меня сузившимися глазами. «Да так, смешно. С тобой, как на вулкане, — высказала я давно пришедшее в голову сравнение. — Никогда не знаешь, когда ты заорешь...» — «А ты не дразни, я и не буду орать». — «Да я и так из всех сил стараюсь!» — воскликнула я. «Да я знаю, — Васька опустил глаза. — Такой уж я уродился. Чего сделаешь!» — «Ну, уродился, так уродился... Пошла я!» — я помахала Ваське рукой. Он не глядел на меня, а между бровями резала его лоб глубокая взрослая морщина. «Как у старых туристов», — подумала я.

За ужином я спросила как бы между прочим: «Кстати, бабушка, а чем лечат чирьяки?» Мама поперхнулась чаем и фыркнула в чашку, а бабушка сказала железным голосом: «Галина! Я тебя предупреждала, что весной в организме не хватает витаминов и необходимо принять самые срочные меры. Ты не прислушалась к моим советам и вот — пожалуйста!.. — тут бабушка обернулась ко мне. — Раздевайся!» — «Да нет, нет, бабушка! — заторопилась я. — У меня нет никаких чирьяков и не было. Это у одного знакомого...» — «Знакового?» — подозрительно переспросила мама. Но тут в бабушке проснулся врач-терапевт (на что я, собственно, и рассчитывала), и она разразилась небольшой лекцией о лечении различных видов фурункулов и карбункулов. «При имеющихся показаниях целесообразно использование физиотерапии...» — твердо и монотонно вещала бабушка. Я боролась со сном, но изображала живой интерес. Из всей бабушкиной лекции я запомнила только мазь Вишневского и решила сегодня же ночью пошарить в нашей аптечке на предмет этой мази. «А вот еще, к примеру... — сказала я, заметив, что бабушка начала выдыхаться. — Эпилепсия — опасная болезнь?» Мама уронила чайную ложечку и посмотрела на меня так, словно я заболела холерой и менингитом одновременно. «Надеюсь, у тебя не появились знакомые эпилептики?» — спросила бабушка. «Нет, что ты! — воскликнула я. — Просто я теперь медициной интересуюсь. Я теперь врачом хочу стать». — «Как врачом? — обиженно сказала мама. — Ты же хотела — архитектором?» — «Архитектором?» — удивилась я, но тут же вспомнила, что еще совсем недавно я была жутко примерной девочкой и всем взрослым, кроме учительницы литературы, говорила именно то, что они хотели от меня услышать. Вот и маме, наверное, когда-то сказала, что я хочу стать архитектором. «Нет, я теперь врачом хочу, — уверенно глядя бабушке в глаза, сказала я. — Чтобы людей лечить. Расскажи про эпилепсию. Название у нее красивое». — «Красивое?! — возмутилась бабушка. — Нет, вы только подумайте! Красивое! Да это, если хочешь знать, одно из самых страшных психических заболеваний. Кошмарные припадки, необратимая деградация психики, а она — красивое!» — «И что же — совсем нельзя лечить?» — «Ну почему — совсем? Есть много всяких лекарств... — бабушка задумалась. — Есть хирургический способ, но это только тогда, когда удастся точно локализовать процесс... Но в целом, конечно, прогноз очень и очень неблагоприятный...» — «Между прочим, Достоевский тоже был эпилептиком, — сказала мама. — А ничего, даже книги писал. И их, между прочим, во всем мире читают...» — «Это хорошо, — сказала я. «Что хорошо?» — удивилась бабушка. «Что читают», — ответила я и встала из-за стола.

Пока бабушка с мамой мыли посуду и о чем-то разговаривали на кухне, я поискала на книжных полках и нашла одну книжку Достоевского. Название у нее было смешное — «Идиот». Я взяла ее в свою комнату.

Продолжение следует.

У НАС В ГОСТЯХ

На вопросы
корреспондента
«Костра»
отвечает
**Анатолий Александрович
СОБЧАК**
Председатель
Ленинградского
городского
Совета
народных депутатов,
народный депутат СССР,
профессор
Ленинградского
государственного
университета,
доктор юридических наук

— Скажите, пожалуйста, кем вы мечтали стать в детстве?

— Сначала хотел быть учителем. Любил давать советы, помогать с уроками. Потом заявил: буду профессором. Рядом с нами, по соседству, жила семья профессора математики, эвакуированная из Ленинграда. Мать моя старалась им помочь, угощала козьим молоком. А меня поразила сама атмосфера профессорской семьи, интеллигентность, образованность. Мне очень захотелось быть таким же.

— Вы часто играли во дворе?

— Все игры были во дворе, так как жила наша семья в очень стесненных условиях. Отец — инженер-путеец — был командирован в Среднюю Азию, строить магистраль. В Коканде прошло мое детство. Играли в лапту, в казаки-разбойники, в Али-бабу. Лучшие друзья — старший брат и ребята со двора. Все связи с друзьями детства, к сожалению, утрачены.

— Чего Вам больше всего не хватало: понимания, друзей, собак?

— Больше всего в детстве не хватало еды. Друзья были, родители — хорошие, добрые, собак вокруг сколько угодно, а вот еды... До сих пор помню постоянное чувство голода. Правда мы держали козу, это как-то выручало. На корову бы ни средств, ни травы не хватило, а козе — немного надо. Даст нам с братом мать по корзине, идем и щиплем траву. Однажды кто-то сильно стукнул козу палкой, она заболела и умерла. Я никогда так не плакал, как тогда... Еще помню, привезли для отоваривания карточек... вагон черепах. Их в азиатских пустынях полно. Давали даже инструкцию: как из них суп варить. Но это было так дико для русской семьи... Мы не смогли.

После я прочитал у Хемингуэя, что черепаховый суп — оказывается деликатес. Я его так и не попробовал.

— Ваша первая встреча с несправедливостью?

— Первая несправедливость ассоциируется со школой. Мальчишки полезли в сад за яблоками. Один здорово оцарапал руку, а забинтовать нечем. Он снял с себя галстук и перевязал. Галстук на руке увидел учитель, и началось: как ты смеешь галстук использовать как тряпку. Да он цвета знамени... Тебя надо из пионеров исключить... Несколько мальчишек, в том числе и я, вступились. Учитель рассердился еще больше, пообещал нас тоже выгнать из пионеров, написал родителям жалобы...

— Часто ли Вас в детстве наказывали?

— В семье никогда не наказывали. Один раз украл у отца из портсигара «Казбек», очень хотелось попробовать. Отец

пригрозил: если еще раз — врежу. Но не потребовалось.

— Занимались ли Вы посты в пионерской организации?

— В пионерской организации постов не занимал. После истории с галстуком не хотелось. Сейчас отношение к организации отрицательное. Она с малолетства приучает человека иметь две морали: для школы (для вожатой, учителя) и для себя, воспитывает двуличность. И весь этот барабанный бой мне тоже малосимпатичен.

— Какие книги Вы любили читать в детстве?

— Любимых книг в детстве было много, опять же благодаря тому, что была возможность пользоваться хорошей библиотекой у эвакуированного профессора. Любимые книжные герои — Д'Артаньян, Гек Фин, Том Сойер. Любил Дюма, Фенимора Купера, Жюль Верна, Марка Твена, рассказы Чехова — плакал над «Каштанкой».

— Часто ли Вы в детстве дрались?

— Не дрался, из-за этого, бывало, лишился лидерства в мальчишеских компаниях... Кулаки, как аргумент не применял никогда.

— Анатолий Александрович! Не раз приходилось слышать от людей разных рангов: «Собчак талантливый человек, но не предсказуемый». От Вас, мол, можно ждать просто мальчишеских выходок. А все потому, что в Вас еще сидит мальчишка. Как Вы сами считаете: сидит ли в Вас мальчишка, и должен ли он сидеть в политическом деятеле?

— Сидит. В каждом нормальном мужчине, по-моему, должен сидеть мальчишка. Если мужчина об этом забывает, он кончен и как политический деятель, и как человек!

Вопросы задавала В. ДОЛГОВА

ВОЛОШИН ПЕР.

МАМИН ЗНАКОМЫЙ

Алексей ШЛЫГИН

Он к нам зачастил
В переулок Волошин.
Привычно в прихожей
Снимает галоши.
Неспешно потом
Расшнурует ботинки,
Причесет на лысине
Три волосинки...
Присядет к столу,
Церемонясь не больно,
И руки, смеясь,
Потирает довольно:
Мол, хоть узковат
Переулок Волошин,
Но очень удачно
Наш дом расположен.
Гараж в двух шагах
И сберкасса напротив...
Ну, в общем, он к нам
Переехать не против...

Он к нам зачастил
В переулок Волошин.
Он к маме, представьте себе,
Расположен...
А мама краснеет
И смотрит испуганно —
Наверно, и мама
К нему расположена...

Весь вечер брожу,
Словно в воду опущенный,
Бессрочно
Гулять возле дома
Отпущенный.

В кармане конфеты
И два бутерброда...
Но что-то не радует
Эта свобода.

С
Б
Е
Р
К
А
С
С
А

СОБИРАЛСЯ ДЕД НА ЯРМАРКУ

Александр СТЕПАНОВ

Собирался дед на ярмарку,
Надевал рубашку яркую,
С украшеньями богатыми —
Тридцатью тремя заплатами.
Собирался дед на ярмарку,
Обувал сапожки с лямками.
Сапоги черны, как вороны —
Оба смотрят в одну сторону.
Собирался дед на ярмарку,
Вел с крыльца старушку за руку
И просил ее не хмуриться —
Пусть любит вся улица!
Собирался дед на ярмарку
На Кинель, за речку — за реку,
Торопился, не задерживался,
На старушку не рассерживался...
Ах, ты, ярмарка среди села,
До чего ж ты весела была!
Да пока дед

одевался,

обувался

Да старушкой любовался,
Ярмарка-то и прошла!

РАЗГОВОРЫ

В Чесноковке речь такая:
— Понимаешь?
— Понимает...
А в Солянке говорят:
— Понимаешь?
— Не понимает...
Так во время говора
Экономят здорово!

Рисунок К. Почтенной

по следам динозавров

Когда лучи восходящего солнца коснулись крон гигантских кипарисов, влажный и жаркий воздух содрогнулся от тяжелых ударов по воде. Затрепетали длинные, в несколько метров, кожистые листья саговника, чем-то напоминающего пальму, и оттуда с испуганным криком взметнулся крылатый ящер. Планируя от дерева к дереву, он устремился к границе болота, которое обрамляли леса гинкго. Листья этих деревьев вырисовывались на фоне безоблачного неба огромными зелеными веерами и в них было легче укрыться от опасности.

Но вот плотная стена зеленой массы колыхнулась, разошлась, и на открытый участок болота вышел динозавр. Он двигался на мощных задних конечностях, равномерно ударяя сильным хвостом по воде. Его плоская и вытянутая голова, казалось, состояла только из двух челюстей, усеянных острыми зубами. Гигантское чудовище оглянулось и, подминая поросль папоротника, прямоком направилось в сторону леса гинкго. Показались второй хищник, третий...

— О чем задумались? — чей-то голос вернул меня в на-

стоящее. Глаза слепит от яркого солнца, которого здесь, в Ходжапильском урочище — местности гористой и голой, предостаточно.

— Да вот наблюдал... за динозаврами, — с улыбкой отвечаю я участникам экспедиции, которые готовы продолжать путь. — Представилось, как они тут расхаживали.

Не первый уже день мы в экспедиции, которую проводит Институт геологии Академии наук Туркменской ССР на юго-востоке республики. Здесь, на западном склоне Кугитангтау, близ селения Ходжа-пиль-ата были открыты следы пребывания древних пресмыкающихся. Интересно, что название села в переводе с туркменского означает «следы слонов святого деда». Местные жители давно знали о существовании на камнях плато странных знаков, принимая их за следы слонов войска Александра Македонского. Однажды краевед-любитель А. Каманин и геолог С. Хасанов побывали в исторической местности и действительно обнаружили множество удивительных отпечатков, хорошо сохранившихся в плотных слоях известняка.

Плато обследовали сотрудники Палеонтологического института Академии наук СССР и пришли к выводу, что это уникальное хранилище следов динозавров! А сотрудники экспедиций, организованных нашим институтом, добавили к реестру уникальных находок еще несколько площадок, сохранивших следы динозавров.

Число обнаруженных следов уже перешагнуло 3500. Специалисты относят их к верхнеюрской эпохе, то есть 150—160 миллионов лет до нашей эры. Это открытие чрезвычайной важности. Такого скопления отпечатков верхнеюрских динозавров не обнаружено больше нигде на Земле.

Ходжапильское «плато динозавров» — чудо природы, описать его трудно. Его зеркальная поверхность представляет собой окаменелый участок прибрежной полосы доисторического океана. Сохранились и следы океанского прибоя.

Скорее всего, динозавры проходили по мелководью. По дну, покрытому известняками. Так случилось, что никто не смял следов, и они как бы законсервировались. Когда море отступило, жаркое солнце высушило известняк. Следы окаменели. Затем море вновь вернулось на утраченные позиции. Все новые и новые толщи мягкого и сыпучего грунта оседали на его дно, надежно спрятав окаменевшие знаки присутствия динозавров. Казалось бы, они навечно упрятаны в толщу грунта и никому не суждено их увидеть... Но с наступлением кайнозойской, то есть нашей эры, опять происходят изменения в земной коре. Идет мощное горообразование. Одни пласты поднимаются вверх, другие проваливаются.

Нам выпало бросить взгляд на миллионы лет назад! Увидеть скрытые ранее пласты...

В основном здесь «гуляли» двуногие ящеры, относящиеся к подклассу архозавров. Мы обнаружили целые цепочки следов разной протяженности

и разных направлений. Встречались и параллельные цепочки. Уж не предпочитали ли доисторические чудища передвигаться парами? Судя по расположению следов, животные держались группами, каждая из которых насчитывала по несколько десятков особей.

Каждый след мы тщательно описали, измерили и сфотографировали. Наиболее крупные отпечатки имеют в длину 86, а в ширину 73 сантиметра. Мелкие — соответственно 23 и 21 сантиметр. Любопытно, что встречались необычные двойные следы: на большие отпечатки накладывались отпечатки поменьше. Может, детеныша? На склоне хребта Кугитангтау мы открыли скопление мелких трехпалых следов и назвали его «детской площадкой».

Мы выделили особо три типа динозавров и отнесли их к новым, ранее не известным родам. Туркменозаврус, Ходжапилозаврус, Гиссарозаврус.

Туркменозаврус был, очевидно, крупным двуногим динозавром с тремя короткими пальцами на лапах. Очертания ступней — широкие, крупные, округлые, в целом слоноподобные.

Для Ходжапилозавруса свойственно другое. Пальцы лап у него вытянутые, длинные, средний палец значительно выдается вперед.

У Гиссарозавруса — четырехпалого двуногого ящера — очертания следов короткие, округлые, вдавленные глубоко. Следы этой группы животных встречаются на плато редко.

...Мое внимание привлекли не очень четкие небольшие вмятины на плато чуть в стороне от цепочки следов динозавров и шедшие параллельно им. Когда я подошел ближе, одного взгляда было достаточно, чтобы понять — эти следы принадлежали не ящерам. Но кому? Один из них, наиболее отчетливый, вроде напоминал... Я взглянул на озадаченных сотрудников и догадался, что они думают о том же. Окаменевший отпечаток был явно похож на след... голый человеческой стопы! Нет, правильнее сказать, человекоподобного существа.

След Туркменозавруса. (Линейка, 25 сантиметров)

Длина его равнялась 26 сантиметрам.

Я не мог отвести взгляда от этого следа. Наши предки — современники динозавров? Нашли мы и другие следы, побольше. Если они действительно принадлежат человекоподобному существу, то история человечества станет насчитывать 150 миллионов лет! Ведь и в долине Пелэкси-Ривер в штате Техас (США) были найдены так называемые следы человека, соседствовавшие со следами динозавров. Похоже, что этот «человек» преследовал громадного ящера. Как установил американский палеонтолог К. Догерти, в техасской «Долине великанов» существовали сотни следов динозавров, и рядом с ними повсюду встречались отпечатки «босых человеческих ног». В 1931 году американский геолог Г. Бурру сообщил об отпечатках «человеческих ног», заключенных в слоях, возраст которых 250 миллионов лет!

После нашей первой находки было рано делать какие-либо выводы. На исследовании единичных случаев строить умозаключения опасно. Но мы верили, что отыщутся новые следы загадочного существа. И наши надежды оправдались.

Однажды вместе с геологом Загородневым мы обследовали площадку Сары-Кая-Восточный, где впервые обнаружили

следы «човекоподобного», его правой и левой ног. И нашли множество новых отпечатков! Средняя длина шага составляла почти 80 сантиметров... Немаленького роста было это существо и вместе с сородичами вполне могло вступить в борьбу с динозаврами.

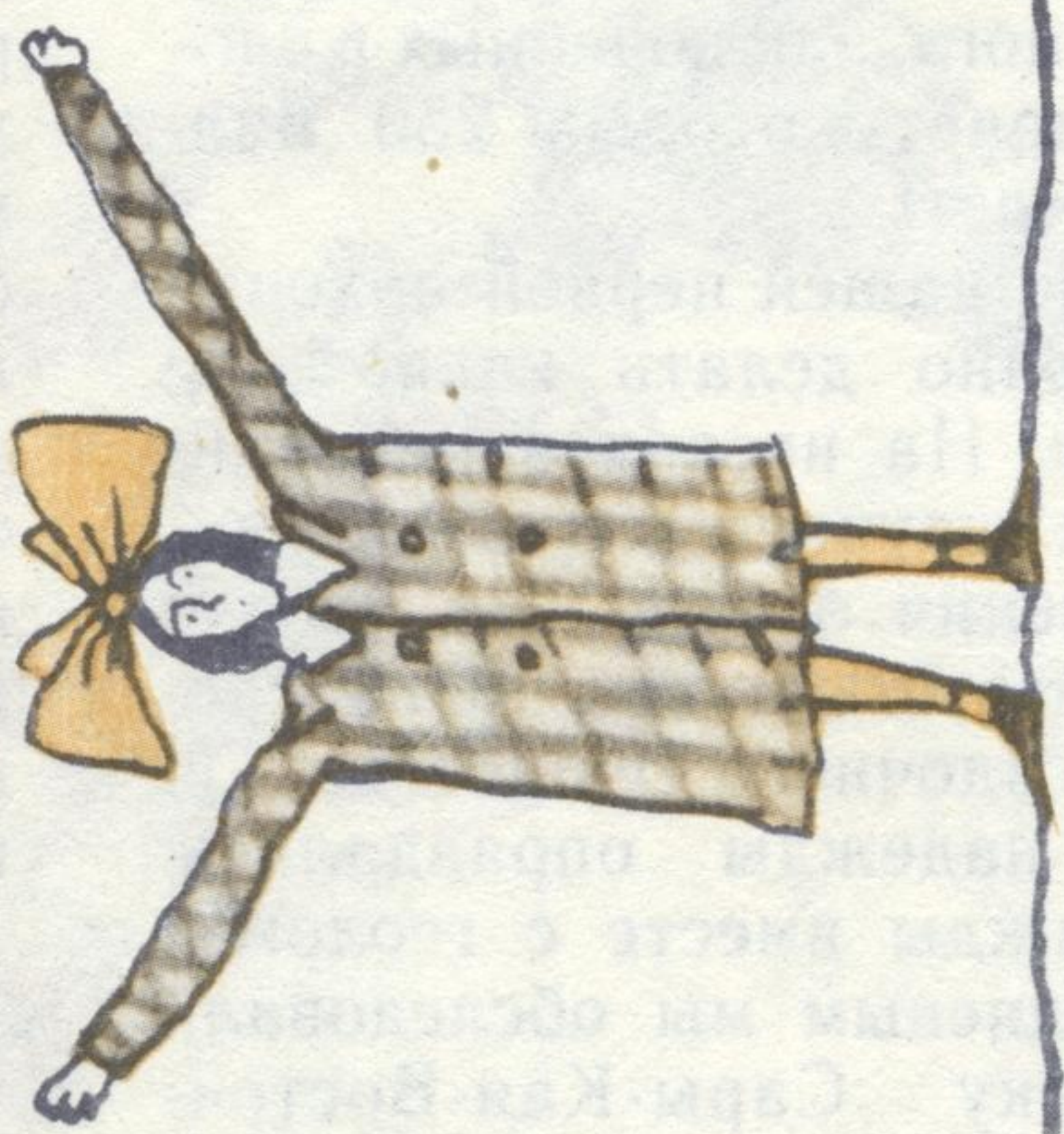
Ближе к полудню мы завершили свой путь по еще одной линии движения динозавров. Возвращаясь на базу, я думал о том, что ученые еще не раз вернутся к следам на плато. Быть может, окаменелости, найденные около урочища, помогут раскрыть еще одну тайну во многом загадочной истории Земли? Вот только увидят ли участники будущих экспедиций эти следы в целостности и сохранности? Миллионы лет хранились они в толще земных пород. Время пощадило их. А вот современные «туристы»... Следоносные площади уже покрыты различными надписями, около хорошо сохранившихся следов валяются куски цемента и гипса — результат чьей-то неумелой попытки снять слепок с отпечатков. А кто-то разрушил единственный абсолютно четкий из обнаруженных нами отпечаток стопы человекоподобного существа. Собираясь, очевидно, увезти его как сувенир...

К. Н. АМАНИЯЗОВ,
Член-корреспондент
Академии наук Туркменской ССР,
директор Института
геологии Туркменской ССР

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ,
СТИХИ

Как нам понять
друг друга?

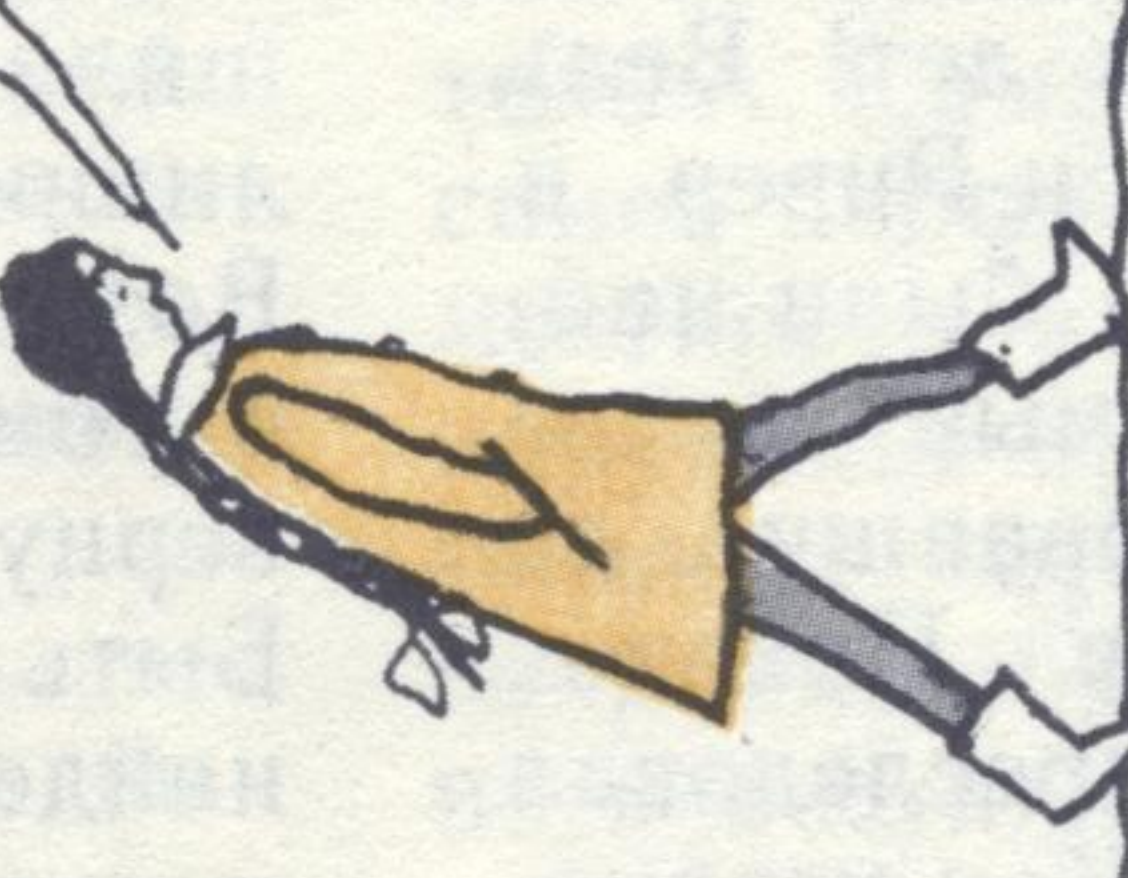
Поезд ушел!

Жестоко и несправедливо выбирать друзей по нарядам, красоте и чинам их родителей. Я знаю интересных девочек, которые одними были отвергнуты как «некрасивые», а другой компанией приняты как остроумные и начитанные.

Те, кто не захотел с ними сначала дружить, кто не понял их, со временем пожалел об этом. Их хотели вернуть. Но, как говорится, поезд ушел! Так наказали себя гордые и привилегированные «красавицы»!

Наташа Проскурина,
Старый Оскол
Белгородской обл.

Дружимся-дружимся и...

Однажды моя подруга пригласила меня на день рождения. И вот после этого дня со мной никто не разговаривает, во дворе нашего 14-этажного дома я осталась совсем одна.

Мальчишки из нашего дома постоянно зажимают девочек в углы или придумывают игры, где надо целоваться. Вот и на дне рождения играли в жмурки так, что водящий, прежде чем отгадать, кого он поймал, должен был поцеловать этого человека. По-моему, в 12—13 лет играть в такие игры рано.

Я сказала об этом подругам, и это им, наверное, и не понравилось, раз нашей дружбе пришел конец. Но разве я не права? Для того, чтобы вы могли мне ответить, я напишу свой адрес, а если будете печатать письмо в журнале, напишите просто

Марина К.,
Москва

Мы и они

У нас, ребят, столько проблем, а вы их как будто не замечаете! Хотя бы отношения девочек и парней. Не этот секс, от которого уши вянут, а то, как подружиться. Ведь девочки не понимают парней, а те нас.... Нам так нужно научиться понимать друг друга!

Вика и Маша,
Всеволожск
Ленинградской обл.

Опять викам,
мать насмешки

Мне трудно с моими одноклассниками. Сначала, когда я пришла в этот класс, все шло нормально, а потом — какая-то холодность одноклассников. У меня с ними не было ни одного конфликта, а все равно они косятся на меня с насмешкой и злой ухмылкой. И все время меня передразнивают — и в речи, и в поступках.

У меня есть подруга. Но с ней мне нехорошо. Мне очень трудно. К ним идешь с добрым словом, а они отворачиваются. С ужасом думаю, что завтра — опять в школу...

Аня Юдина,
13 лет,
Нижегородск

Понять друг друга... Что может быть важнее? Помните, в старом фильме «Доживем до понедельника» мальчишка вместе с длинным сочинением о счастье написал всего одну строчку: «Счастье — это когда тебя понимают».

Как научиться понимать друга? Как расслышать за ироничным замечанием скрытую боль, за неловкой шуткой — элементарное желание просто заговорить, за сладкой улыбкой — обман и предательство? Может ли кто-то этому научить или в наиважнейшей науке — понимании других — каждый самоучка?

Что вы об этом думаете? Как вы научились или учитесь понимать друзей и недругов, родных и чужих, взрослых и малышей?

Девочки! Кто из вас понимает этих орущих, бегающих, язвительных мальчишек?

Мальчишки! Кому из вас удалось докопаться до сути этих капризных, вертлявых, вечно секретничающих девчонок?

Как вам это удается, те и другие? По каким приметам вы «разгадываете» человека? Пожалуйста, напишите. Непонимаемым и непонимающим очень нужны ваши советы.

Что такое хорошо
и что такое плохо

Сегодня многим очень трудно разобратся: что хорошо, а что плохо, что правильно, что неправильно. «Еще недавно все было ясно, а теперь...» — пишут многие. Те, кто предпочел бы вполне определенные ответы многим вопросам сегодняшнего дня. Но ведь только задавая вопросы самому себе и окружающим, только в поисках ответов на них — порой в мучительных поисках — развивается человек.

Все против,
а я — за!

Все против пионерской организации, а я — за! Я хочу убедить, что носить пионерский галстук — это большая честь. Пионеры-герои умирали из-за галстуков. И, между прочим, это даже интересно: надевали тебе галстук в 3-м классе, и ты должен носить его до 7-го класса, а потом посмотреть, аккуратно ты его носил или нет.

А тут некоторым, видите ли, не нравится пионерская организация. Ишь какие современные! И еще некоторым Ленин стал не нравиться! Это уж совсем ни к селу, ни к городу!

Аня Шумских,
5-й класс,
пос. Кульдур
Хабаровского края

Вечю книжкам

Вчера с подругой мы гуляли по Арбату. Там продавались матрешки, изображающие вождей, в том числе и В. И. Ленина. Я сказала своей подружке, что не очень это хорошо. Но, оказывается, моя подружка считает, что ничего страшного в этом нет.

Но раз во всех книжках пишут, что Владимир Ильич был очень хорошим человеком и гениальным вождем, то как же можно осквернять его имя, делая дорогие игрушки, которые покупают иностранцы?!

Света,
15 лет,
Москва

Ах,
Самара-городок!

Наш город основан в 1586-м году. 300 лет с лишним он назывался Самара. Но вот туда приехал Валериан Владимирович Куйбышев. Он вел в Самаре партийную работу, и город был переименован в Куйбышев. Но для меня это название неродное.

Все жители нашего города на митингах решили восстановить старое имя города. И мы своего добились.

Илья Ч.,
12 лет,
Самара

Не хочу быть
„патришкой“

Я противник пионерской организации. Она мне ничего не дала. Да и я сам, хоть уже в 9-м классе, ничего для нее не сделал. Хотел помочь. Но одни за это называли меня «патришкой» — то бишь патриотом, а другие попросту вытюривали из пионерской.

Попробуй тут разобратся! Раньше слово «патриот» было очень героично, а теперь над ним смеются...

Рашид,
Жанатас
Казахской ССР

Одна надежда на Т.В.

Разобраться в том, что сейчас происходит, непросто. Ни разу не слышала, чтобы учителя в школе говорили с нами о серьезных политических или национальных проблемах. Попросить? А что толку, если полкласса все равно не приходит на политинформацию, а те, что придут, думают: «Скорей бы домой!»

Смотрю программу «Время» и слышу от родителей одни лишь споры.

Евгения Брюлю,
8-й класс,
152-я школа,
Минск

Если бы я был
народным депутатом

...я бы запретил отдавать детей в детдом. Зачем взрослые рожают детей, если не хотят их воспитывать?

Шавкат Мамаджанов,
7-й класс,
16-я школа,
Фергана

...я бы отсчитывал права о повышении зарплаты, и чтобы в магазинах были продукты. Поэтому что народы нашей страны грызутся друг с другом из-за того, что голодные и злы. Если народы будут сыты, то будет мир и сотрудничество.

Юра Шелякин,
Усть-Каменогорск

...я бы отсчитывала, чтобы отменили экономику.

О. К.,
Омск

Без обратного адреса

Я уже не маленький!

У меня нет друзей и нет подруг. Надо мной все смеются. Даже родители, которые должны поддерживать меня во всем, смеются надо мной и ругают меня.

Чуть что — сразу берутся за ремень. Но я ведь не маленький!

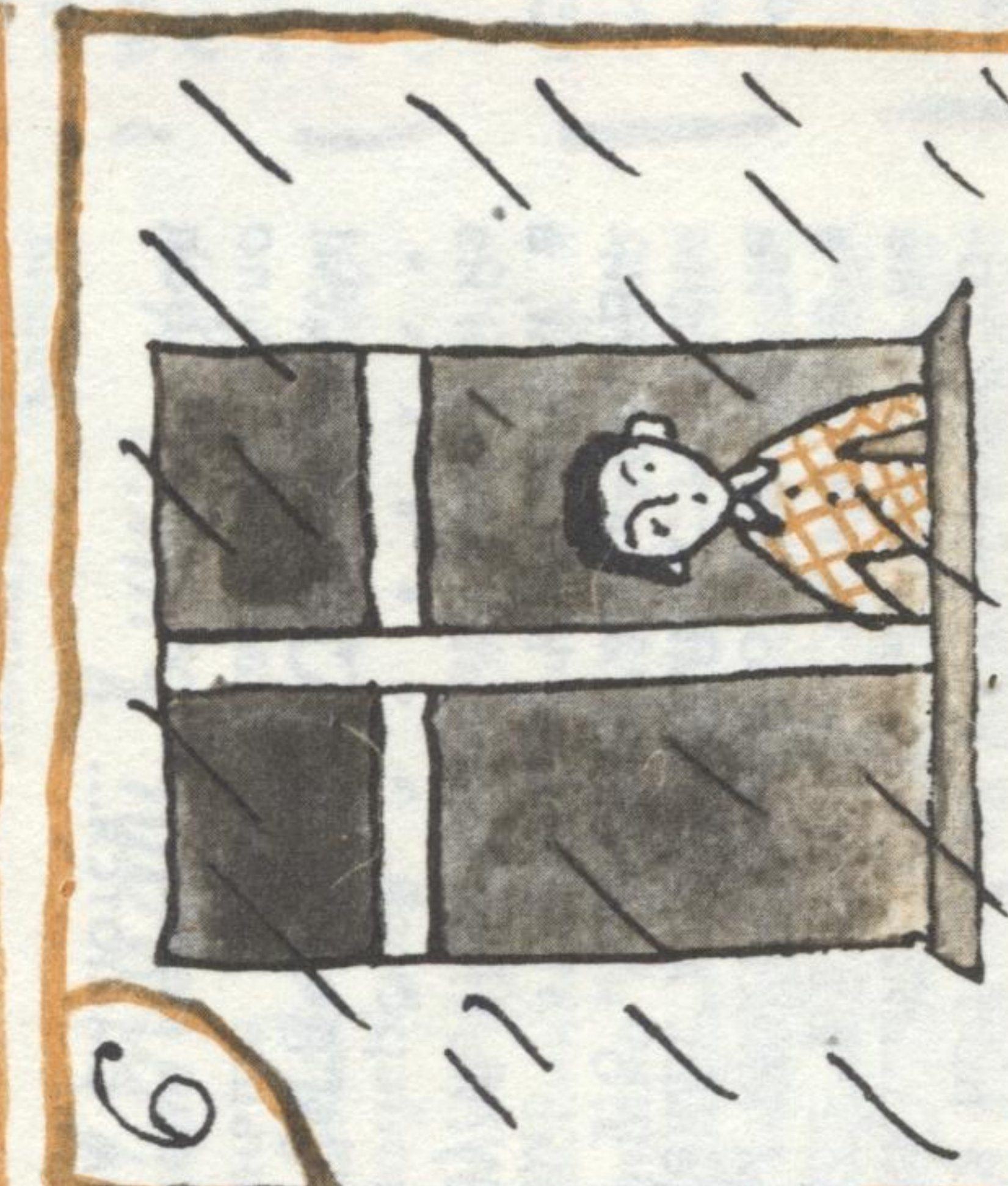
Меня выпускают на улицу только в субботу и воскресенье, и то часа на два, не больше.

Девчонки и мальчишки еще гуляют, смеются, играют, ведь на улице светло, а я уже должен сидеть дома, потому что в девять меня загоняют домой.

Однажды мама нашла письмо, которое я написал в стихах девочке, которую люблю. Так мама такой шум подняла, что я думал — дом развалится!

Мне так обидно и больно, когда под моим окном на скамейке собираются ребята, рассказывают интересные истории, смеются, а я сижу дома один, потому что родители «оберегают» меня от плохой компании.

Ученик 40-й школы
Троицка

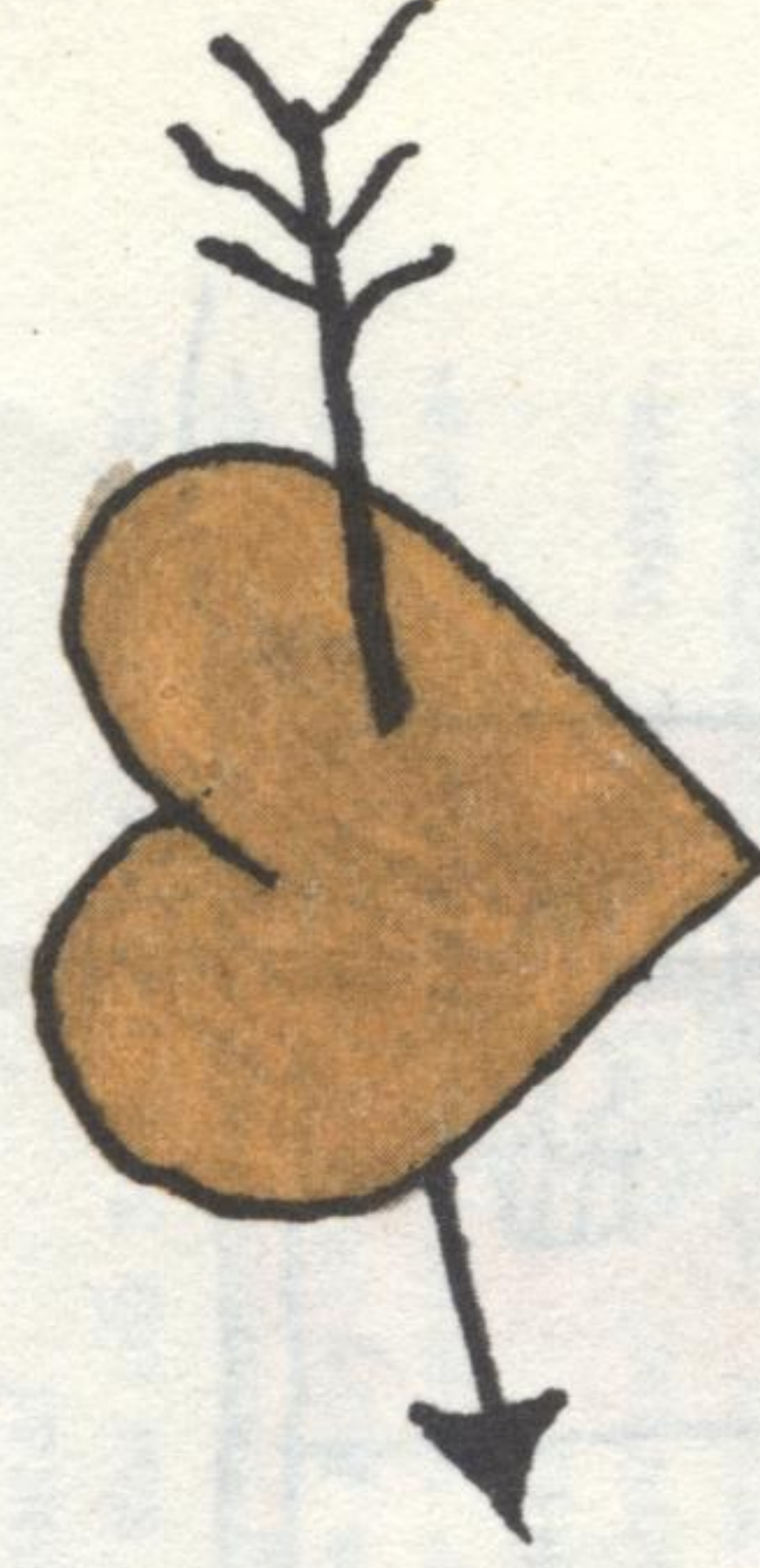

Дансе в Артексе

Я ездил в Артек. Думал, в этом лагере нет такого, что мы видим и слышим на улицах, в школе. Но в этом, как мы знаем, пай-лагере звучало это же... Некоторые ребята выражались нецензурными словами. Как же это так выходит?

Я с сожалением думаю, что нет такого места на земле, где бы не было этой проблемы.

Максим Кипарисов,
6-б класс, 7-я школа,
Кемерово

Подруга моего друга

Я люблю девочку из моего класса. Когда я сказал об этом своему другу, он сказал мне: «Не люби ты ее, мы ведь с ней давно дружим». Но почему же это я не должен ее любить?

Мальчишка из Красноярска

ИЩУ ДРУГА

Где,
кого знают,
обеднячить

Я думаю, что у меня очень обидная фамилия. Идешь по коридору в школе, а в догонку слышишь: «Это козлиха из 8-а пошла!»

У ребят с такой фамилией, как у меня, часто бывают такие смешки вслед.

Если мы будем переписываться, делиться своими бедами или радостями, многим из нас станет легче. Может, и посоветуем что-нибудь друг другу.

Мой адрес: 624470, Свердловская область, г. Североуральск, ул. Каржавина, д. 24, кв. 97, Козловой Юле.

Есть ли расизм в СССР?

Мой папа из Африки, поэтому я и сестры — мулаты. Мы смуглые, курчавые. Из-за этого к нам очень плохо относятся, и мама тяжело это переживает.

Мне тоже очень нелегко. Одна девочка хотела со мной дружить, но ее родители настрого ей запретили.

Я не могу понять, что заставляет многих людей говорить нам «черный», смотреть на нас с презрением и осуждением, ведь мы же советские, как и все остальные! Кто мне сможет честно об этом сказать? Пусть это будет мальчик или девочка, которые не делят людей на белых и черных. Буду рад, если напишут такие же ребята, как я. Интересно знать, а как им живется в СССР?

Мне тринадцать лет, я учусь в седьмом классе русской школы, увлекаюсь футболом, собираю марки, открытки с видами городов.

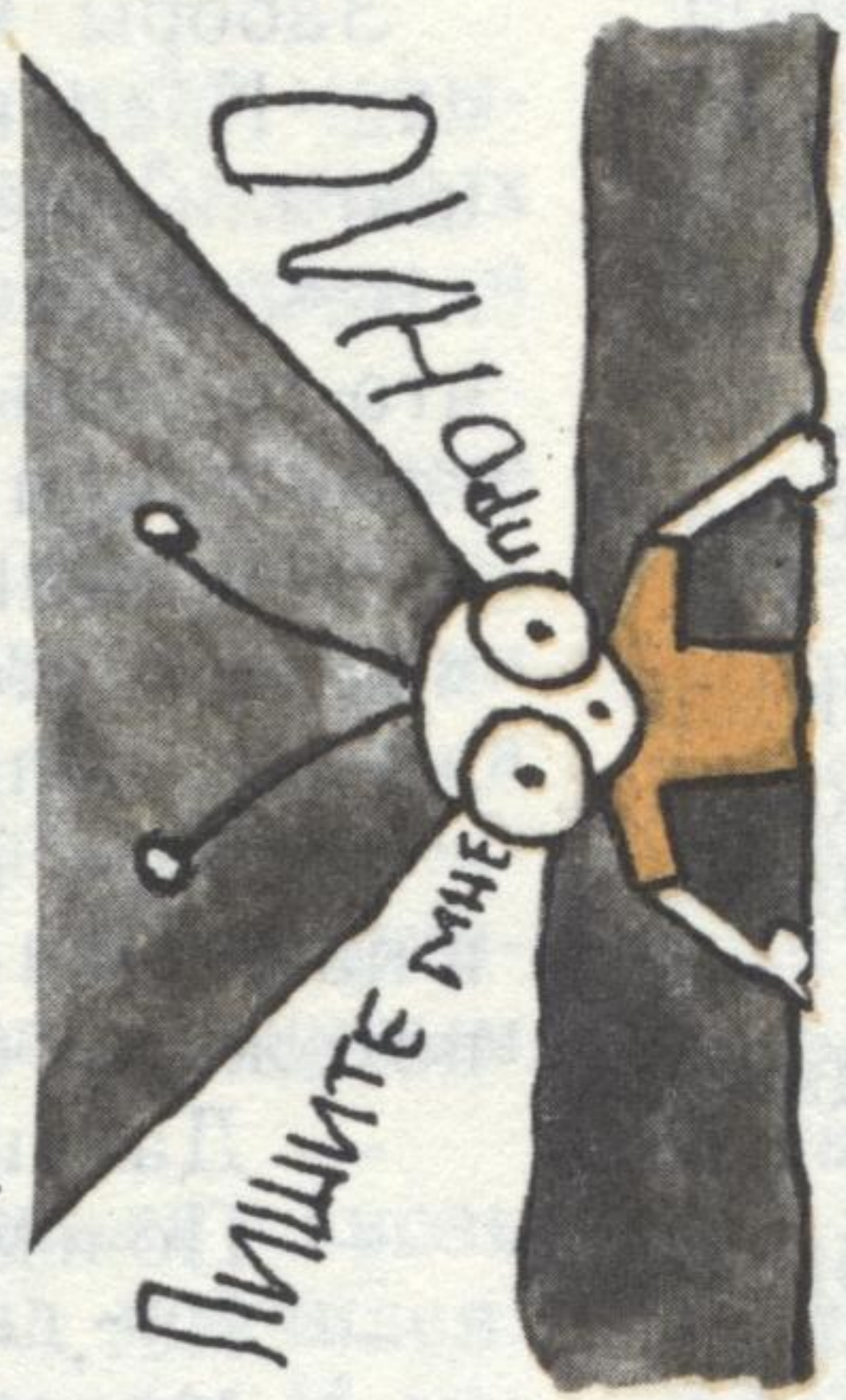
С дружеским приветом

Роллан Миафуна

313540, Харьковская обл., г. Лозовая, 4-й микрорайон, д. 72, кв. 41.

Интересность Востоком

Я собираю материалы о Японии и Китае, интересуюсь историей этих стран. Хотела бы, чтобы откликнулись ребята, которые могут поделиться со мной сведениями о них. Пусть напишут по адресу: 375014, Армянская ССР, Ереван, ул. Ширван-заде, д. 15/32, кв. 29, Кнарик Акопян.

У меня нет друзей. И, пожалуй, от дикой скуки я занялась фантастикой. Спустилась несколько месяцев, я уже занялась исследованием аномальных явлений. Мне мало информации, которую я нахожу в газетах и вижу по ЦТ. Поэтому очень-очень прошу всех ребят, которые наблюдали НЛО, входили в контакт с НЛО-навтами, видели в своей квартире подробности Барабашек, подробно описать явление и прислать мне письмо.

Еще хочу переписываться с ребятами, которые умеют пригibtывать руками и глазами разные предметы.

Наташа Колычева,
398055, Липецк,
Московская ул.,
д. 97-а, кв. 93

Л. Яхнин
Повесть-сказка

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Рисунки В. Аникина

Глава 7,

*в которой я прощаюсь,
встречаюсь и снова прощаюсь
и которая называется
«БОМ! ДИ-ЛИНЬ! ПЛЯМС!»*

Братья Сидоры поднялись одновременно.

— Ну, нам пора, — сказал Сидор Сильный.

— Может, еще встретимся? — спросил я с надеждой.

— А почему бы и нет? — улыбнулся Сидор Добрый. — Мы по свету немного побродим и домой возвратимся. Все же родной Город. Куда нам от него деться?

— Умишка вот только наберемся, — подмигнул мне Сидор Веселый.

— И силы прибавим, — сказал Сидор Добрый.

— Да и веселья чуток не помешало бы, — проворчал Сидор Умный.

— Станем добрее. Говорят, доброта силы прибавляет, — сказал Сидор Сильный и поднял свой кулак величиной с арбуз.

Они ушли, а я остался один. Вот тогда-то я и подумал о Бегемоте. И он, как вы помните, тут же появился. Дальше мы уже шли вместе. Вернее, он шел, а я ехал на нем. Мы двигались вдоль заборов по узкой пригородной улочке, и бока Бегемота с протяжным шорохом терлись о частокол деревянных планок. Вдруг сквозь этот шорох я услышал то отрывистые, редкие, то частые, то рохливые ТУК-ТУК! ТУК-ТУК-ТУК!

— Дятел, — решил я.

— Поросята бегают, — предположил Бегемот.

— Или дрова колют, — добавил я.

— Поросята бегают, — настаивал Бегемот.

— Или горох пересыпают?

— Поросята бегают, — упорствовал Бегемот.

— Думаешь? — засомневался я. — Давай-ка постоим, послушаем.

Мы замерли и стали слушать. И вот уже в однообразном ТУК-ТУК я начал различать и гулкое ДОН-Н!, и звонкое БОМ-М!, и глухое УМП!, и нежное ДИ-ЛИНЬ!, и дробное ПАМ-ПАМ-ПАМ!, и звучное ПЛЯМС!, и совершенно уж ни на что не похожее ТР-РР!

— Пожалуй, это не дятел и не дрова, и тем более не горох, — покачал я головой.

— Я же говорил — поросята бегают, — обрадовался Бегемот.

— Пойдем посмотрим, — предложил я.

Заборы кончились. И перед нами раскинулся сад. Крепкие фруктовые деревья, будто солдаты, шагали шеренгами далеко-далеко к горизонту, к темнеющему вдали лесу. Вот между деревьями что-то мелькнуло. И оттуда прилетел звук короткого удара — ПУМ! И снова что-то мелькнуло чуть подальше. И вновь — БУМ! Издали невозможно было разглядеть и понять, что же или кто же это мелькает среди деревьев сада?

Бегемот вдруг остановился в нерешительности и наклонил свою голову к земле так, что она стала похожа на большой мясистый кактус без колючек.

— Дальше я не пойду, — пробурчал он.

— Почему? Устал?

— Нет, — буркнул Бегемот.

— Может быть, ты занозил ногу? Дай-ка посмотреть, — забеспокоился я.

— Нет, — фыркнул Бегемот, — не нашлось еще такой занозы, которая могла бы проколоть какую-нибудь из моих четырех пяток.

— Неужто испугался? — опешил я.

— Кого же бояться? Бегающих поросят? — обиженно хмыкнул Бегемот. — Просто я опасюсь ненароком задеть дерево и вывернуть его с корнем. Они так часто посажены, без всякого расчета на гуляющих бегемотов.

И он остался стоять на месте, а я поспешил на стук. Поначалу я все оглядывался и проверял — не потерялся ли мой Бегемот? И вдруг я увидел... человечка Соломенные ножки!

Он бегал от дерева к дереву и ударял смывком по стволу. БАМ! ДОН-Н! УМП! — отзывались по разному стволы, а с ветвей летел белоснежный дождь лепестков. Человечек Соломенные ножки прикладывал к стволу ухо, замирал на мгновение и бежал дальше. «Не-то-не-то-не-то!» — бормотал он огорченно.

— Человечек Соломенные ножки! — крикнул я.

Я тут же забыл про Бегемота и, не оглядываясь, ринулся в гущу сада. И зря! Забытый Бегемот стал быстро исчезать. Он, как проколотый воздушный шарик, опадал серыми складками, сморщивался. Если бы я только оглянулся! Я бы еще успел. Но я в то мгновение так рад был увидеть человечка Соломенные ножки, что совершенно забыл про все и вся. И про Бегемота. А его широкая голо-

Продолжение. Начало см. в № 1.

ва, похожая на гладкий тяжелый валун, уже втянулась в плечи и стала напоминать грелку, из которой выпустили воду. И вот на месте забытого Бегемота осталось лишь легкое голубоватое облачко, которое быстро унесло ветром. Бегемот снова стал беспризорным. До тех пор, когда о нем вспомнят, когда он будет очень-очень нужен.

Глава 8,

*где я бегу за человечком Соломенные ножки,
он бежит за Яблоневым мальчиком
и которая потому так и называется
«ЯБЛОНЕВЫЙ МАЛЬЧИК»*

Человечек Соломенные ножки вовсе не удивился, увидев меня. Он прижал палец к губам.

— Тс-с! — прошептал он, будто охотился за мышами и боялся их спугнуть.

На самом деле он старался не спугнуть музыку. Для него звучала тонкая музыка яблоневых стволов, которые для других просто бамкали и бумкали.

Я немного обиделся, что человечек Соломенные ножки будто бы и не обрадовался мне. Он продолжал бегать по саду. Его соломенные ножки мелькали, как велосипедные спицы. Скрипка в его руке то взлетала над головой наподобие зонтика, то плыла впереди, словно букет, то вспархивала на плечо, будто невиданная птица с длинным кривым клювом.

Я двинулся за ним. Так мы пробежали сквозь сад и, удивленные, остановились. Сад кончился. Но он не кончился! Он продолжал расти. И мы увидели мальчика. Он шел по заросшему пыльной травой пустырю. А сад, как собачонка, бежал следом! Но это только так показалось сначала. На самом деле сад вырастал позади мальчика сам по себе.

Мальчик ел яблоко. Яблоко чуть поскрипывало, когда мальчик откусывал от него сочные лунные серпики. Белый яблочный сок пенился и вскипал. На землю падали черные бомбочки семечек. Мальчик шел и вминал босыми пятками эти семечки в мягкую землю. И позади него мгновенно вырастали яблони. Дальние, самые первые, уже гнулись под тяжестью просвеченных солнцем яблок. Ближние еще только зацветали. А те, что вырывались из-под ног, с шумом расправляли ветки и листья.

Мальчик шел, грыз яблоко, а позади него кружились белые лепестки, гулко ударялись о землю спелые плоды, шумел яблоневый ветер.

Человечек Соломенные ножки бежал зигзагами, огибая выстреливающие из земли ростки деревьев. А я устал и остановился. Я смотрел, как они оба удалялись, растворялись в светлой трепещущей тени сада, словно бы заслоненные голубыми и желтыми ладошками тени и света.

Я не спешил догонять их. А стоял и думал, как хорошо бы иметь на ладони несколько таких волшебных семечек, из которых прорастают сказки. Сначала они пускают слабые незаметные нити корней, цепляются за землю, выбрасывают неж-

ную стрелу ростка, ветвятся, оживают на ветру. И вот уже шумит, поет над твоей головой живое дерево сказки. И голос этого поющего дерева приходят послушать люди. Я видел, как человечек Соломенные ножки нагнулся, подобрал яблочное семечко и сунул его в наплечную торбочку. Может, о том же подумал?

Вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. Рядом со мной стоял мой сосед ботаник Иван Иванович Перепечкин.

— Простите, — сказал он, — я немного задержался. Но, знаете, столько работы. И потом я завернул тут неподалеку в один домик. В нем живут очаровательные старички. Дядюшка Иван и тетюшка Марья. Говорят, за всю жизнь они ни разу не разлучались. И так привыкли друг к другу, что давно уже думают одинаково и даже говорят одновременно — слово в слово один другого повторяют. Их и зовут одним именем Иван-да-Марья. А какой у них сад! Они его называют — огород. Такого нигде нет. Это я вам говорю как ботаник.

— А я его нашел, — сказал я.

— Кого? — не понял Иван Иванович.

— Человечка Соломенные ножки. Он идет за поющим деревом.

— Тогда его непременно надо свести к Иван-да-Марье, — заволновался мой сосед Иван Иванович Перепечкин, — у них там просто пропасть поющих трав. И деревья найдутся. Это я вам как ботаник говорю!

А Яблоневый мальчик в это время исчез в лепестковом дыму окончательно. Встретимся ли мы еще? Не знаю. Но каждый раз, увидев сад, я буду вспоминать об этом удивительном мальчике, который оставляет позади себя деревья и плоды. Мне стало немного грустно оттого, что редко, очень редко встречаются на земле такие мальчики. Но человечек Соломенные ножки вернулся довольный. За поясом у него был заткнут тоненький яблоневый прутик, прямой как смычок. Услышав про огород поющих трав, человечек Соломенные ножки в нетерпении стал дергать меня за рукав.

— Идем-идем-идем-идем! — тараторил он.

Глава 9,

*в которой нас встречают Иван-да-Марья
и которая называется
«ОГОРОД ЗВЕРИНЫХ ТРАВ»*

Иван Иванович Перепечкин повел нас тропинкой вдоль яблоневого сада. Мы огибали ряды апорта и ранета, джонатана и китайки, райских яблок и

яблонь белый налив. Все эти названия вслух говорил сосед-ботаник, хотя я до сих пор не понимаю, как он по одинаковым бело-розовым лепесткам мог угадать такие замысловатые яблоневые имена.

Дом старичков со всех сторон зарос травой, кустами, деревьями. Казалось, что живут Иван-да-Марья не под крышей, а в листве, среди цветов и зеленых веток. Они вышли на крыльцо. Оба были маленькими, сухонькими и держались за руки, словно малые дети.

— Очень рады, рады, — пролепетали они. — Проходите, проходите. Здравствуйте. Здравствуйте.

— Тетушка-дядюшка, — сказал Иван Иванович. — Вот это и есть человечек Соломенные ножки. Он ищет поющее дерево.

— Дерево? — переспросили Иван-да-Марья. — Каждое дерево, каждая травинка поют по-своему. Пойдемте, пойдемте. Послушаем, послушаем.

Они легко сбежали с крыльца, все еще держась за руки. Человечек Соломенные ножки устремился за ними. Мы с Иваном Ивановичем Перепечкиным поспевали следом. Все мы сразу утонули в густой зелени и почти не видели друг друга.

Глава 10,

*которая не что иное,
как окончание предыдущей
и которая называется
«СОН-ТРАВА»*

Вот так всегда. На пути мне встречается столько интересных, необычных людей, что я без конца отвлекаюсь и теряю из виду главного своего героя. Но очень уж хочется подробнее рассказать обо всех, кого узнал, полюбил и никогда уж не

смогу забыть. В конце концов, сказка — это не только увлекательные приключения, но и удивительные встречи. Не правда ли?

Маленькие старички Иван-да-Марья приподнимались на цыпочки и гладили руками каждую травинку, каждый лепесток, осторожно касались разноцветных лепестков.

— Это, — говорили они, — кошачья лапка. Видите розовые подушечки цветов? Будто кошка на спине лежит и лапки, играючи, вверх подняла.

И они ласково теребили купончики розовых цветов, торчащие над травой.

— А это! А это! — с восторгом вскрикивали они. — Это собачья роза! Какое название!

И они показывали на кусты, похожие на дворняжку с лохматым репейным хвостом.

— Нет! Нет! Теперь сюда посмотрите! Пожалуйста! Пожалуйста! Кукушкин лен. Эти травинки, ну, точь-в-точь страусята в зеленых перьях с маленькими головками на длинных голых шейках! Совершенно птичья трава.

И они тут же перебежали к другой травке и всплескивали ладошками, ахали, охали, прищипывали, причмокивали, качали головами и вздыхали.

— А как вам нравится вот это? Заячья капуста! Листики ее и впрямь будто заячья раздвоенная губа. Розовые заячьи глаза цветов так и смотрят на вас. Так и смотрят!

Иван-да-Марья ступали легко, стараясь и травинки не смять. И получалось это у них удивительно, будто по воздуху скользили.

— Вот, вот замечательная трава! Гусиный лук. Листья длинные, гибкие, словно гусиные шеи. А эти желтые цветки? Словно раскрытые гусиные клювы.

Я опасливо обошел гусиный лук стороной: того и гляди долбанет в ногу! А Иван Иванович Перепечкин каждый цветок, наклоняясь, нюхал и близоруко разглядывал, чуть ли не залезая острым носом внутрь бутона.

— Поразительно, — сказал он. — У вас все травы лечебные. Это я как ботаник знаю.

— Конечно. Конечно, — ответили Иван-да-Марья. — Каждая кого-нибудь от чего-нибудь лечит.

— Ага. Понятно, — сказал я, — гусиный лук — гусей, а кошачья лапка — кошек. Занозы из лап вытаскивает.

— Не совсем так. Не совсем так, — засмеялись Иван-да-Марья. — Иногда заячьей капустой лечатся козы, а козью иву непрочь поглотить зайцы. Взгляните. Взгляните. Вот она, козья ива.

Прямо перед нами росли четыре небольшие деревца. Тонкие стволы их в серой закоружлой коре очень напоминали узловатые козьи ноги. Так и казалось, будто стоит зеленая кудрявая коза и вот-вот замемекает.

— Где-поющее-дерево? — подал вдруг голос человечек Соломенные ножки.

— Как же? Как же? Неужели не слышите? — удивились Иван-да-Марья. — Закройте глаза и затаите дыхание.

Я тут же послушно зажмурился и перестал дышать. Но ничего не услышал. Тогда я изо всех сил сжал веки и так напыжился, что перестал дышать вовсе. Перед глазами у меня поплыли огненные арбузы, а в ушах тоненько и противно

завенело. Так я простоял полминуты. Звон перешел в гудение. Будто от уха до уха бегал во мне паровоз. Зеленые фосфорические полосы на арбузах замелькали с бешеной скоростью, словно обручи в руках у жонглера. А сами арбузы, как шаровые молнии, вдруг стали с треском лопаться внутри меня. Я задохнулся, не выдержал и открыл глаза. Голова у меня кружилась. А перед глазами долго еще подрагивал последний слепящий арбуз. Я дрожащей грудью скорее вздохнул несколько раз поглубже и огляделся.

Иван Иванович стоял с закрытыми глазами, и губы его двигались, как бы что-то напевая. Из левого его кармана высунулась мышь мордочка. Усы ее подергивались. На ранте правого кармана сидел зеленый кузнечик и двигал длинными ножками-смычками, словно подыгрывал какой-то слышимой только им мелодии.

А человечек Соломенные ножки весь превратился в слух. У него даже руки слушали. Они проделывали какие-то сложные пируэты, как бы дирижируя целым оркестром.

Я снова закрыл глаза, но уже не так сильно и постарался дышать не очень громко. И постепенно во мне зазвучала музыка.

— Что-то журчит, как ручеек, — прошептал я.

— Это в травах бродят соки, — сказали Иван-да-Марья.

— А еще будто в маленькие звонкие барабаны ударяют.

— Это почки лопаются.

— Теперь словно кто-то струны перебирает.

— Ветер, — засмеялись Иван-да-Марья. — Ветер свои песенки в траве наигрывает.

Я открыл глаза. Все стояли, как зачарованные. Иван Иванович покачивался из стороны в сторону и туманно улыбался.

— А вы, вы не слышали здесь своего поющего дерева? — спросили Иван-да-Марья человечка Соломенные ножки.

Тот только покачал головой. Потом нагнулся, сорвал тоненькую травинку и натянул ее на свой смычок. Он провел травяным смычком по струнам, и мы услышали тонкий певучий звук.

— Странно, странно, — удивились Иван-да-Марья. — Это ведь песенка сон-травы. Неужто ее уже и другие травы заучили?

— Нет, — сказал человечек Соломенные ножки, — просто-я-сейчас-слышал-эту-мелодию. Она где-то рядом.

— Верно. Верно, — сказали Иван-да-Марья. — Она тут рядом растет за птичьим гречишником и лягушачьей кислицей. Пойдемте. Пойдемте. Там можно прекрасно отдохнуть с дороги. У нас там все гости отдыхают. И лягушки, и кошки, и козы, и птицы.

Мы шли сквозь шелестящую, шуршащую, цветущую гущину, и воздух наполнялся постепенно разными звуками. Мы слышали мяуканье, собачье ворчание, короткое блеяние коз, нахальный гусиный гогот. Из травы вдруг высывались треугольная кошачья мордочка или заячьи уши. Из-под ног, будто зеленые перчатки, выпрыгивали прыткие лягушата. В развилке дерева куковала кукушка. Из кустов нацеливались на нас гусиные клювы. А под деревом лежала коза, хитро поглядывая своим зеленым в крапинку глазом величиной с крыжовину.

— Вот и пришли. Вот и пришли, — сказали Иван-да-Марья. — Здесь и отдохнете. Под деревьями. В тени.

Я заметил крупные лиловые колокольчики.

— Странно, — сказал я, — до сих пор я думал, что колокольчики бывают только синие.

— Это не просто колокольчики. Не просто, — засмеялись Иван-да-Марья. — Сон-травы. Вот что это. Вы присядьте. Присядьте.

От узких стрельчатых листьев рябило в глазах. Огромные пушистые колокольчики будто слегка позванивали. Мерный и мелодичный звук сливался в одно слово: «спим-иии-спи-иим-спи-ииии-ммм»...

И как-то незаметно мы стали засыпать. Я сел на траву и прислонился к стволу дерева. Человечек Соломенные ножки даже во сне прижимал к щеке скрипку и медленно водил смычком по струнам в такт своему дыханию.

И всем нам снилась одна и та же песенка. Песенка сон-травы:

Баю-баюшки-баю,
Я вам песенку спою,
Песню сонную свою
Про лесные-сные травы
И дремучие дубравы,
Где гуляет дрема-сон,
Все заботы гонит вон...

Глава 11,
в которой я пытаюсь
пересказать свой сон
и которая называется
«КАЛАМБУРГСКИЕ ОСТРОВА»

Я надеюсь, что это был просто сон. Иначе как я мог попасть на эти Каламбургские острова? На карте во всяком случае их нет. А я искал на самых лучших картах, просто увешанных гроздьями названий самых мелких и мельчайших островков. Итак, сон мой начался с середины. И во сне я думал и говорил так, как, по всей вероятности, думают и говорят на Каламбургских островах. Из меня выскакивали какие-то чудовищные слова. И что самое удивительное, меня это несколько не удивляло! Мой сон и начался с такого слова, похожего на непонятное ветвистое дерево: каламбурело.

Каламбурело. День кончался. Назойливо пахли каламбурозы. Каламбуйно цвели каламбурции. Дул каламбурей, и море вокруг островов становилось каламбурным. Волны каламбурлили, как в кастрюле. Низко над головой каламбуряли чайки.

Рядом с моими низкими окнами прошли два каламбуржца в шляпах каламбурного цвета. Кивнули друг другу:

— Калам-бурим!

— Бурим-калам!

Пробежал каламбуренок. Он громко каламбарил в каламбурин. Из соседнего окна высунулась сонная физиономия.

— Каламба! — рассердился разбуженный калабуржец.

Вышла луна и осветила вывеску над магазином:

«КАЛАМБАСА И СЫР КАЛАМБУРГСКИЙ».

А море каламбродило все сильнее и сильнее. «Похоже, что разыгрывается настоящая каламбурей», — подумал я. Передо мной лежали каламброды — каламбулка с каламбером. Но есть не хотелось. Я сел на каламбуретку и закурил каламбуросу. На душе у меня было не совсем каламбортно. Куда пропал человек Соломенные ножки? Куда он делся?

По руке моей ползла каламбурашка. Она смешно каламбирала нитяными ножками. Но мне было не до нее — закаламбуряли меня Каламбургские острова. надоело каламбурять, а оно все каламбурялось и каламбурялось. И, главное, человечка Соломенные ножки, нет как нет...

Ах, если бы я знал тогда, что все это мне снится! Я бы ни чуточки не волновался. Но я-то думал что человечек Соломенные ножки пропал вправду!..

Я встал, натянул свой помятый каламберетик и вышел на улицу. Скаламбурело окончательно. Ни одного фонаря. Тут и каламбурахнуться недолго. И вдруг я слышу: калам-калам-калам!.. Что-то звонко каламбалкало. Ну, конечно же, это он, человечек Соломенные ножки! Рядом с ним шла небольшая девочка. Это каламбучки ее туфелек так звонко каламбалкали в ночной тишине.

— Каламбина, — представил ее мне человечек Соломенные ножки.

— Весьма каламбрат! — каламбрюкнул я и тут же подумал: «какой такой брат? При чем тут брат?»

— Очень каламбрад! — поправился я.

Каламбина вежливо прикалала колено. Каламбантик на ее макушке закаламбался, словно бутон на клумбе.

«Клумба, клумба, — подумал я, — что-то в ней есть каламбургское».

И тут, словно подслушав мои мысли, человечек Соломенные ножки сказал:

— Каламбина-показала-мне-клумбу-на-ней-растет-каламбуровое-дерево!

Он потянул меня за руку. Мы обогнули дом, весь покрытый завитушками, как барышня. Из подворотни на нас злобно таякнула рыжая каламбака. Сидящие на скамейке перед домом каламбабушки дружно повернулись в нашу сторону и оживленно закаламбуркали. Я им не понравился? Или человечек Соломенные ножки удивил? Но он даже не глянул на них. Тянул меня и тянул вперед.

Клумба была похожа на многопалубный пароход. Каждый ярус-палуба этого цветущего парохода благоухал по-своему. И каждый запах имел свой цвет. Цветочные запахи поднимались над

клумбой цветными облачками. Они смешивались, переплетались, перевивались, перетекали один в другой, превращаясь в крутую радугу. Я бы даже сказал — каламбуррадугу.

Каламбина легко взбежала по крутым ярусам-ступенькам клумбы на самую ее верхушку. Человечек Соломенные ножки сноровисто поспедал за ней. А я остался стоять у подножия этого клумбового парохода и быстро потерял из виду Каламбину и человечка Соломенные ножки. Их скрыли цветочные заросли. А когда они показались снова, в руке у Каламбины была странная пестроцветная каламбуро-сери-малиновая ветка.

— От каламбурового дерева, — догадался я.

Человечек Соломенные ножки осторожно взял у Каламбины ветку и победно поднял ее над головой. И тут же над его репчатой головкой расцвела каламбуррадуга. Разноцветные запахи терпко ударили мне в нос и одновременно ослепили. Никогда еще радужная арка не стояла так близко, просто в двух шагах от меня.

Я дотронулся до облепленной цветами, будто мокрым снегом, ветки. Цветы оказались упругими и чуть влажными. Пальцы мои окрасились в пятна разных цветов, и ладонь стала похожа на акварельную палитру. И долго не отмывалась. Даже после того, как я проснулся.

Глава 12,

в которую мы спускаемся

по каменным ступеням

и которая называется

«ПОДЗЕМНЫЙ ЗАМОК»

Однажды я поселился в заколдованном замке. Но не в хрустальной его башне с птичьими невесомыми балкончиками и кружевными карнизами. Не в просторных залах с долгим эхом, гуляющим под высоким, как небо, потолком. Даже не в библиотеке, восхитительно пахнущей древней кожей золоченых книг. Мне досталось таинственное подземелье. Его сводчатые потолки терялись в туманном полумраке. В его закрытые витыми решетками окна прорастали цветы и травы. К его тяжелой двери сбегали каменные ступени. Пять широких стертых ступеней вели в мой Подземельный Замок.

Ко мне часто запросто заходил Дождик. Он весело барабанил по подоконнику по утрам: «Вста-вай! Вста-вай!» И быстрые ручейки стекали на пол. Они сливались в мелкие лужицы, и я мог шлепать по ним босиком, не выходя на улицу. Часто ко мне заглядывали кошки. Они прятались от собак или просто забегали на огонек. Через форточку. Поболтать.

Но беседовал я не только с кошками. Надо сказать, что прежде Подземельный Замок принадлежал старому Скульптору. Он всю жизнь высекал из камня, лепил из глины, вырезал из дерева, отливал в гипсе тигров, собак, цапель, бегемотов. Многие из них и сейчас стоят в тихих скве-

рах и шумных дворах. А еще очень любил лепить этот Скульптор портреты людей. Бюсты, как он их называл. И особенно нравились ему старые и лысые.

Скульптор давно умер, и некому было забрать все эти гипсовые бюсты, как он их называл. Вот и стояли тут и там в моем Подземельном Замке большие, как снежные холмы, лысые головы.

Я был тогда молод, и лысые дядьки мне казались совсем стариками. Все они были похожи на одного моего знакомого, деда Лукича, сторожа Главного Склада. И теперь, когда мне приходилось разговаривать с гипсовыми своими соседями, я их так и называл: дяденька Лукич. Кошки тоже любили моих соседей. Они мурлыкали, обходя их вокруг, и поглаживали поднятыми пушистыми хвостами. Что означало верх расположения.

Теперь я люблю не спать по ночам и смотреть в синее ночное окно. А раньше, когда я был совсем молодой, спал крепко всю ночь напролет. Но однажды... Это было ранней-ранней осенью, когда она еще похожа на лето, только не зеленое, а золотое. И вот однажды я проснулся среди ночи. На подоконнике мирно дремали три кошки. Четвертая свернулась клубочком рядышком с глиняным обливным бегемотом, похожим на кувшин. Голубые лунные лепешки лежали на головах моих гипсовых соседей. Отчего же я проснулся? Сначала я никак не мог догадаться. А потом вдруг услышал тихую позванивающую мелодию. Будто на осколок стекла падали мелкие невесомые капли: динь-динь-динь-динь! Я сначала так и решил, что идет дождик. Обычный осенний дождик. Даже на пол глянул — нет ли там привычной веселой лужицы, по которой можно пошлепать босиком.

Но это звенели, оказывается, сухие листья на ветке не известного мне дерева. Я его и не видел никогда целиком. Только часть морщинистого ствола, похожего на ногу бегемота, и толстые жилистые корни, что вращали в землю под моим окном и уходили глубоко, под стену Подземельного Замка. Но одна ветка изгибалась сверху и заглядывала ко мне. Я с ней тоже любил беседовать. Спрашивал ее, хороша ли подземная водичка, которой ее поили корни, зимой желал ей теплого снега, весной поздравлял с первым листочком-трубочкой, летом благодарил за тень, а осенью обычно просто молча любовался ее золотым балльным нарядом. И она мне отвечала то шорохом, то дружеским постукиванием о стекло, то шелестом густых листьев.

Но музыки!.. Музыки я никогда не слышал. Может быть оттого, что был молод и крепко спал по ночам?

Много лет я не вспоминал об этой ночной песенке моего знакомого дерева. Она, правда, иногда во мне звучала, но вокруг было столько разных звуков и шумов, что я к ней не особенно прислушивался. А сейчас вспомнил. И подумал:

— А вдруг это и было то самое Поющее дерево, которое мы так упорно ищем?

Окончание следует

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ФОКУСОВ

Он мог проникнуть в любое помещение, не оставляя следов взлома. Закованный в наручники, нырял в ледяную воду, освобождался из любых тюрем, по часу находился в гробу под землей. И после каждого чуда готовился к новому чуду. Его имя — Гарри Гудини (1874—1926 гг.), американский фокусник.

«Моя главная задача, — сказал он однажды, — это победить страх. Когда меня в наручниках помещают в тяжелый ящик и бросают в море живым или закапывают в землю, я обязан сохранять полное спокойствие. Моя работа требует высокой точности и молниеносной скорости. Если случится паника — я проиграю. Зрители наблюдают только внешнюю сторону трюка, и они не имеют представления о предварительных тренировках, которые необходимы для победы над страхом. Другой мой секрет — отличная физическая подготовка».

Он увлекся фокусами лет с шести и о своих первых шагах в этом деле вспоминал всю жизнь: мать держала в закрытом шкафу пирожки. Пирожки исчезали, а замок оставался закрытым...

Директор заезжего цирка удивился способностям мальчишки и взял его на работу. Гарри, обвязанный веревками, проворно освобождался от пут; подвешенный за ноги вниз го-

ловой, собирал с пола иголки... веками. Когда его заставляли играть роль человека, пойманного в джунглях, он рычал и ел сырое мясо на глазах у публики, проходившей мимо клетки... Так начинался великий маг.

КАК РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ?

Освобождение из железного ящика — первоклассный трюк! Ящик из толстого листового железа демонстрировался зрителям: он не имел никаких секретов. Как только Гудини забирался в ящик, зрители накрывали его крышкой. Фокусник проталкивал изнутри сквозь отверстия болты, на них снаружи зрители наворачивали гайки и вставляли шпильки для надежности. Само освобождение из ящика происходило за ширмой. К удивлению публики, Гудини довольно быстро появлялся из-за нее, а болты, гайки и шпильки оставались на своих местах! Подчеркнем еще раз: не было люков, подмен ящиков, а в ящиках — никаких секретов.

Или такой трюк: на сцене — большой молочный бидон с широкой горловиной, доверху заполненный водой. Зрители-мужчины проверяют его своими тросточками — да, второго дна здесь явно нет и весь бидон действительно заполнен водой. Выходит Гудини, залезает с головой в бидон. Льется через край вытесняемая им вода... Крышка бидона закрывается на несколько замков. Впрочем, если кто-то из недоверчивых зрителей хочет запереть крышку на свой, специально принесенный из дома, — пожалуйста... Пока зрители возвращаются на свои места, проворные помощники Гудини устанавливают вокруг бидона ширму. Оркестр играет марш, и через минуту мокрый Гудини вновь появляется на сцене. Публика — в восторге, а запиравшие замок — в недоумении: как ему это удастся?

Действительно, как? Точно не известно — ведь Гудини никогда не раскрывал своих секретов. Но мы постараемся рас-

крыть их с помощью ТРИЗ — теории решения изобретательских задач.

Постоянный читатель нашей рубрики знает: РЕШЕНИЕ ЛЮБОЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ РАЗУМНЕЕ НАЧИНАТЬ С РЕСУРСОВ — ТОГО, ЧТО УЖЕ НАМ ДАНО. Почему разумнее? Поясним. Мы давали эти задачи школьникам, студентам, инженерам и всегда замечали: решающие начинали... САМИ усложнять решение! Они предлагали: двойников Гудини, потайные люки под сценой и даже массовый гипноз всех зрителей... Зачем такие усложнения?.. А что нам известно о первом трюке? Мы точно знаем: железный ящик был без секретов — иначе бы заметили дотошные зрители. Значит, секрет в болтах. Что нужно сделать, чтобы вынуть болты, находясь в ящике? Скрутить изнутри головки специально изготовленных болтов, вытолкнуть наружу шпильки, поднять крышку и... нет, еще рано выходить к зрителям из-за ширмы.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ 3. Как, используя Ресурсы и тонкую леску, вставить снаружи настоящие болты, которые Гудини до этого момента прятал в кармане вместе с леской?

А каково изобретательское решение в случае с бидоном? Как делался трюк, нам точно не известно. Но что из Ресурсов мы можем менять, чтобы зрители не заметили? Дно, крышку, замок — явно нельзя... Скорее всего, у бидона были двойные

стенки и фокусник просто выдвигал их вверх вместе с замками.

ГЛАВНЫЙ РЕСУРС МАГА

Г. Гудини заметил: многие фокусы делают сами... зрители. Точнее, помогают делать. И это главный изобретательский Ресурс мага, который постоянно использовал ИНЕРЦИЮ МЫШЛЕНИЯ зрителей для решения своих задач. Вот типовой пример: Гудини в синем костюме не спеша выезжает на сцену на белоснежной лошади, не спеша проезжает мимо выстроившихся в шеренгу помощников, одетых в белое. Вспышка взрыва! Легкий дымок вьется вокруг лошади и фокусника! Кстати, а где же он? Куда и как исчез?.. Да никуда. Все дело в нашем неумении взглянуть на исчезновение свежим взглядом (в буквальном и переносном смысле). Ведь во время яркой вспышки Гудини срывал синюю форму, сделанную из бумаги, и оставался в белом костюме среди ассистентов... А кто из зрителей, замороженных явлением белой лошади, сосчитал их количество?

Вот совсем другой фокус, но Ресурс здесь тот же — неповоротливость мышления зрителей. Гудини залезал в бумажный мешок больше человеческого роста. Чтобы мешок нельзя было подменить, часть зри-

телей оставляла на нем свои автографы. Затем они загибали край мешка и старательно его заклеивали... А за ширмой Гудини разрезал бритвой мешок, вылезал и заклеивал его вновь. Оркестр полностью заглушал звук разрезаемой бумаги, ну а кисточка и клей всегда были наготове в потайном кармане ширмы. Естественно, никому в голову не приходило выяснять длину вновь полученного на проверку мешка...

Сам Гудини обожал разоблачать факиров, магов и других фокусников. Тот, кто предлагает зрителям назвать любую страницу в книге, чтобы он ее «прочитал» по памяти, — шарлатан. Он знает наизусть всего одну страницу текста, но его книга и состоит из одинаковых страниц, где ни откроешь — текст будет один и тот же. А как Гудини объяснял чтение открытки сквозь конверт? Очень просто: достаточно смочить конверт спиртом — на время он станет прозрачным, а потом спирт испарится...

Изобретатель всегда изобретатель — и на работе, и дома. Жена Гудини рассказывала, что в молодости он был вспыльчив, и они договорились любым путем избегать семейных ссор. Так, если Гудини поднимал три раза правую бровь — жена должна была замолчать. Если сердилась жена, то он должен был выйти из дома, обойти его и бросить шляпу в окно ком-

наты. Если жена шляпу выбрасывала назад, он был обязан сделать еще одну короткую прогулку и повторить все сначала. Он не возвращался в дом до тех пор, пока шляпа не оставалась в комнате...

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК ГУДИНИ

Всю жизнь Гарри Гудини стремился усложнять свои трюки. Так, освобождение от наручников в цирке часто не производило впечатления на публику. Она считала, что наручники поддельные. Поэтому, разъезжая по городам и странам, он старался освободиться от наручников в местной тюрьме, в присутствии журналистов. Но однажды он не смог открыть наручники. Сыщик, давший их, заклинил механизм фольгой от шоколада. Это — подлый трюк, но он преподавал Гудини неплохой урок. После, каждый раз, прежде чем надеть наручники, он требовал открыть и закрыть их. И это было оправдано, ведь порой ему предлагали заведомо ржавые изделия, поскольку им была выгодна антиреклама Гудини.

...Однажды в гримерную артиста зашел студент, слышавший, что Гудини может вынести любые удары в живот. И это было правдой, но он должен был предварительно сосредоточиться, собраться. Студент без предупреждения ударил Гудини в живот. И Гудини... умер. В Нью-Йорк его тело было доставлено в гробу, который он использовал в своих экспериментах под водой.

6 апреля 1974 года — в столетний юбилей со дня рождения Г. Гудини — американские газетчики ждали сенсации: должно быть вскрыто завешание артиста с раскрытием тайн его трюков. Их ожидания не оправдались, — ни в именитых юридических конторах, ни в банках — нигде никакого завешания не нашли. Это был последний трюк великого фокусника.

И. ВИКЕНТЬЕВ

Рисунки Л. Московского

ИТОГИ КОНКУРСА

В конкурсе «Изобретателей и фантастов» за 1990 год заняли призовые места и награждены подарками:

Тукмаков Алексей г. Светлый

Орешиков Максим г. Хабаровск

Сивков Андрей г. Воронеж

Наиболее активные участники отмечены дипломами журнала:

Анисова Марина г. Сумы

Некрасова Юлия Якутская АССР

Салямова Надя Алтайский край

Мы благодарим взрослых — родителей, учителей, руководителей кружков, помогавших нам советами, замечаниями и критикой:

Березину В. Г. г. Челябинск

Бибу В. Н. г. Набережные Челны

Гина А. А. г. Гомель

Колчева Н. П. г. Сосновый Бор

Нестеренко А. А. г. Петрозаводск

Флореску Р. С. г. Кишинев

ПРИГЛАШАЕМ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В НОВОМ КОНКУРСЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И ФАНТАСТОВ.

НА КОНВЕРТЕ СДЕЛАЙТЕ ПОМЕТКУ «КИФ» И НЕ ЗАБУДЬТЕ НАПИСАТЬ СВОЙ ОБРАТНЫЙ АДРЕС.

Перед вами — «Учение Христа, изложенное для детей», сегодня почти не известное не только детям, но и взрослым. Мы рады, что наши читатели смогут познакомиться с этим, по сути дела, своеобразным «Евангелием от Льва» и сами получают возможность ответить на вопросы, которые их волнуют.

Содержание Нового Завета Л. Н. Толстой считал одной из вершин человеческого духа, его любимой книгой было Евангелие от Матфея.

Искренне полагая, что путь к добру и любви зависит от самого человека, он часто повторял всем, кто обращался к нему за помощью и советом: «Царство Божие внутри нас».

УЧЕНИЕ ХРИСТА, изложенное для детей

ПРЕДИСЛОВИЕ

В прошлом году у меня образовалась маленькая школа из крестьянских детей от десяти до тринадцати лет. Желая передать им учение Христа так, чтобы оно было понятно им и имело бы влияние на их жизнь, я рассказывал им своими словами те места из четырех евангелий, которые казались мне самыми понятными, доступными детям и, вместе с тем, самыми нужными для нравственного руководства в жизни.

Чем дальше я занимался этим, тем яснее мне становилось, —

и из пересказов детей, и из вопросов их — все то, что легче воспринималось ими и что более привлекало их.

Руководствуясь этим, я и составил эту книжечку. Думаю, что чтение ее по главам, сопровождаемое вызываемыми этим чтением объяснениями о необходимости приложения в жизни вечных истин этого учения, не может не быть благотворно для детей, по словам Христа, особенно восприимчивых к учению о царстве божием.

12 июля 1908 г.

Лев ТОЛСТОЙ

1

ИИСУС ХРИСТОС своим учением и жизнью открыл людям то, что дух божий живет в каждом человеке.

По учению Иисуса Христа, все бедствия людей оттого, что они жизнь свою полагают в теле своем, а не в духе божьем. От этого они враждуют друг с другом, от этого мучаются душой, от этого боятся смерти.

Дух божий — это любовь. И любовь живет в душе каждого человека.

Полагай люди жизнь свою в духе божьем — в любви, и не будет ни вражды, ни душевных мучений, ни страха смерти.

Все люди желают себе добра. Учение Христа открывает людям то, что добро это дано им любовью и что все люди могут иметь это благо. От этого и учение Христа называется евангелием.

Ев — значит благое, ангелион — значит весть, — благая весть.

2

ИИСУС родился 1908 лет тому назад от Марии, жены Иосифа. До 30 лет Иисус жил в городе Назарете с матерью, отцом и братьями, и когда возрос, помогал отцу в его плотничной работе.

Когда Иисусу было уже 30 лет, он услышал, что народ ходит слушать проповеди святого пустытника. Пустытника этого звали Иоанн. И Иисус вместе с народом пошел в пустыню, чтобы послушать проповедь Иоанна. Иоанн говорил, что пришло время царства божия, такое время, когда все люди будут понимать, что они все равны, что нет

ни высшего, ни низшего и что все должны жить в любви и согласии друг с другом. Он говорил, что время это близко, но наступит совсем только тогда, когда люди перестанут делать неправду.

Когда простые люди спрашивали Иоанна: что мне делать? — он говорил, что тому, у кого две одежды, надо одну отдавать нищему; также тому, у кого есть пища, делиться с тем, у кого ее нет. Богатым же людям Иоанн говорил, чтобы они не обирали народ. Солдатам говорил, чтобы они не раз-

бойничали, были довольны тем, что получают, и не сквернословили. Фари-сеям и саддукеям, закон-никам говорил, чтобы они переменили свою жизнь и покаялись. Не думайте говорил он им, что вы особенные люди. Перемените свою жизнь, и перемените так, чтобы по делам вашим видно было, что вы переменились. А если не переменитесь, то не миновать вам того, что бывает с плодовым деревом, когда оно не приносит плода. Если дерево не приносит плода, его срубают на дрова; то же будет и с вами, если не будете делать добрых дел. Если не перемените своей жизни, все пропадете.

Всех людей Иоанн уговаривал быть милосердными, справедливыми, кроткими. И тех, кто обещался исправить свою жизнь, Иоанн, в знак перемены их жизни, купал в реке Иордане. И когда он купал их, он говорил: — Я очищаю вас в воде, но совсем очистить вас может только дух божий в вас самих.

И слова Иоанна о том, что людям надо пере-

менить свою жизнь для того, чтобы наступило царство божие, и что очиститься люди могут только духом божьим, слова эти запали в сердце Иисуса. И чтобы обдумать все то, что он услышал от Иоанна, Иисус не вернулся домой, а остался в пустыне. И прожил там много дней, раздумывая о том, что слышал от Иоанна.

3

ИОАНН говорил, что для того, чтобы пришло царство божие, людям надо очиститься духом божьим.

Что же значит очиститься духом божьим? — думал Иисус. Если очиститься духом, значит жить не для своего тела, а для духа божьего, думал Иисус, то действительно пришло бы царство божие, если бы люди жили духом божьим; потому что дух божий один и тот же во всех людях. И живи все люди духом, все люди были бы едины, и пришло бы царство божие. Но люди не могут жить только духом, люди должны жить и телом. И если же они будут жить телом, служить телу, заботиться о нем, то будут жить врозь, будут жить так, как живут теперь, и никогда не придет царство божие. Как же быть? — думал Иисус. Жить одним духом нельзя, а жить телом, как теперь живут мирские люди, дурно, и если жить так, то все будут жить врозь, и никогда не придет царство божие. Как же быть? Убить себя в своем теле, подумал Иисус, нельзя, потому что дух живет в теле по воле бога. Убить себя, значит идти против воли бога.

И раздумывая так, Иисус сказал себе: выходит так, что нельзя жить одним духом, потому что дух живет в теле. Нельзя тоже жить одним телом, служить телу, как живут все люди. Нельзя также и освободиться от тела, убить себя, потому что дух живет в теле по воле бога. Что же можно? Можно одно: жить в теле, как того хочет бог, но живя в теле, служить не телу, а богу.

И, рассудив так, Иисус вышел из пустыни и пошел по городам и селам проповедывать свое учение.

4

И РАЗНЕСЛАСЬ молва об Иисусе по округе, и много народу стало ходить за ним и слушать его.

И он говорил народу: — Вот вы ходили слушать Иоанна в пустыню, зачем вы ходили к нему? Ходят смотреть людей в богатых одеждах, но те живут во дворцах, а в пустыне ничего этого не было. Зачем же вы ходили к Иоанну в пустыню? Вы ходили слушать того, кто учил вас добром жизни. Как же он учил вас? Он учил вас тому, что должно прийти царство божие, но что для того, чтобы оно

пришло, чтобы не было зла в мире, нужно, чтобы все люди жили не врозь, каждый для себя, а все были едины, все любили друг друга. Так для того, чтобы пришло царство божие, вам прежде всего надо изменить жизнь свою. Царство божие придет не само собою, не бог устроит это царство, а вы сами должны и можете установить это царство божие, а установите вы его тогда, когда постараетесь изменить жизнь свою.

Не думайте, что царство божие явится видимым образом, царство божие нельзя видеть. И если вам скажут: оно здесь или там, — не верьте этому и не ходите. Царство божие не во времени или месте каком-нибудь. Оно везде и нигде, потому что оно внутри вас, в вашей душе.

5

И ВСЕ яснее и яснее толковал Иисус свое учение. И один раз, когда собралось к нему много народа, он стал говорить народу о том, как надо жить людям для того, чтобы пришло царство божие.

Он говорил: — Царство божие совсем другое, чем царства мирские. В царство божие войдут не гордые, не богатые. Гордые и богатые царствуют теперь. Они теперь веселятся и теперь их все хвалят и уважают. Но покуда они будут гордыми и богатыми и в душе их не будет царства божия, не войдут они в царство божие. Войдут в царство божие не гордые, а смиренные, не богатые, а нищие. Но войдут в царство бога смиренные и нищие только тогда, когда они будут смиренными и нищими не оттого, что не хотели грешить, чтобы стать знатными и богатыми. Если же вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то вы как соль несоленая. Соль нужна только тогда, когда она солонка; если же она не солонка, то она ни на что уже не годится, и ее выбрасывают.

Так и вы, — если вы нищие только оттого, что не сумели разбогатеть, то и вы никуда не годитесь — ни в бедные, ни в богатые.

И потому прежде всего одно на свете нужно: это быть в царстве божием. Ищите царства божия и правды его, и все, что вам нужно, будет у вас.

И не думайте, что я учу чему-нибудь новому; я учу тому же, чему учили

вас все мудрецы и святые люди. Я учу только тому, как исполнять то, чему они учили. А чтобы исполнять то, чему они учили, надо соблюдать заповеди божьи, — не говорить только про них, как говорят ложные учителя, а исполнять их. Потому что только тот, кто исполняет заповеди божьи и примером своим научает и других исполнять их, только тот войдет в царство небесное.

Продолжение следует

ЛУКА II О II Н - первый ХРИСТИАНСКИЙ ХУДОЖНИК

Учение Христа проповедует добро, и потому осталось живым в веках, оказав огромное влияние на культуру и искусство многих народов. Самыми первыми поведали об этом учении, о земной жизни, страданиях и воскресении Христа его ученики — Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Они сделали это в своих сочинениях, рассказав о спасении людей от их грехов Иисусом Христом. Подобные сочинения — Евангелия* появились очень давно, в первом веке новой эры, но до сих пор Матфей, Марк, Лука и Иоанн почитаются как покровители книжности.

Большие, украшенные золочеными окладами с затейливыми узорами и рельефами, а нередко и драгоценными камнями эти старинные книги можно увидеть во многих музеях нашей страны. В церкви евангелие хранится с особым благоговением, оно лежит на престоле, и прикасаются к нему только руки священников. По углам евангелия изображены сидящие над книгами святые, сопровождаемые четырьмя таинственными символами, то есть обозначениями. Так Матфей всегда помещается в левом верхнем углу с фигуркой ангела, а вверху справа изображают Иоанна с неперменным орлом. Внизу же соответственно мы встретим образ Марка с символом льва и Луки под знаком тельца, то есть быка.

Если вы живете или бываете в Ленинграде, то можете рассмотреть образы всех четырех

евангелистов прямо на улице. Подойдя к Исаакиевскому собору, поднимите голову и всмотритесь в скульптуры, помещенные на углах треугольных фронтонов. Обойдя вокруг собора, вы увидите, что среди двенадцати фигур апостолов — учеников Христа, Лука, Матфей, Иоанн и Марк представлены в центре фронтонов по четырем сторонам света.

Но вернемся к книгам. Евангелистов изображали в книгах и на отдельных листах. Особен-

но охотно рисовали древние художники своего заступника — святого Луку, который сам был художником и первый запечатлел образ Марии, матери Христа.

Старейшая точно датированная русская книга хранится в ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. На последнем ее листе написано, что трудился над ней дьякон Григорий для новгородского посадника Остромира и закончил ее писать 12 мая 1057 года.

Изображение Луки из Остромирова евангелия восхищает

многих любителей живописи. Апостол привстал с мягкой подушечки, принимая от тельца свиток со священным текстом. Начатая книга лежит на отдельной подставке, а на столе ящичек с красками, сосуд с водой, набор палочек для письма на пергаменте. Один лист пергамента уже тщательно расправлен, другой скручен в свиток. Тут же циркуль и цепочка, при помощи которых лист размечали на строки, как школьную тетрадь в линейку. Рядом с ними — губка и пемза, чтобы смывать и соскабливать ошибки.

Миниатюра очень красива по цвету, многокрасочна. Пурпурные, зеленые краски одежд Луки сочетаются с золотом фона. Золотом нанесены и тонкие контуры рисунка, которые напоминают о пришедшей из Византии в Киевскую Русь ювелирной технике. Это так называемые «перегородчатые эмали». (На золотой пластинке изображения образуют тончайшие выступы, как бы перегородки, пространство между которыми заполняется цветной эмалью). Впечатление драгоценности миниатюры подчеркивает и красивая узорная рамка из неведомых растений.

Художник Остромирова евангелия жил тысячу лет спустя после евангельских событий. Но он сумел не только передать реальные детали труда древнего писца, но и вложить в священный для него образ частицу своей души.

Анатолий БАСЫРОВ

* Слово «Евангелие» означает — Благая Весть.

НАДЕЖНЫЕ ЛОШАДКИ

Деревушка у озера носила очень деревенское название — Авдеево. Сразу за ней — Мельница. Наверное, вот на этом протоке крутилось когда-то деревянное мельничное колесо.

На берегу озера женщина полоскала белье — с деревянных гибких мостков, по-старинному. Тропинка пересекла зеленую лужайку, привела меня к дощатому крыльцу, над которым была прибита аккуратная фанерная табличка: «Турбинная восьмилетняя школа».

Почему «Турбинная»? Я не увидел ничего такого железного, промышленного, не услышал ничего грохочущего или хотя бы мерно жужжащего.

Оказалось вот почему: после революции здесь построили гидростанцию по плану ГОЭЛРО. Из Ленинграда привезли турбины, поставили, и с тех пор колхоз называется Турбинным. И школа — «Турбинная».

По плану ГОЭЛРО, разработанному в 20-е годы, предусматривалось построить 30 электростанций в нашей стране. Из них 10 — гидроэлектростанций. И одна из этих десяти, оказывается, была сооружена здесь, в дальнем, тихом углу Новгородской области!

«Интересно, — подумал я, — там хоть что-нибудь осталось? Дамба, шлюзы?»

Наверное, одни живописные развалины, таинственный шум падающей воды в заброшенных шлюзах...»

За лесной чащей, за зеленым бугром в большом овраге я увидел сквозь листву старое кирпичное строение, добротно сделанное и как будто обкатанное за многие годы ветром, дождем, холодом и жарой и от этого как бы прижавшееся к оврагу, притершееся, ставшее частью этих лесов, озер, холмов и оврагов.

И внутри все было старым. Не в том смысле, что ветхим, а по-старому красивым, добротным и надежным.

Это и была гидроэлектростанция! И был на станции даже

начальник! Крепенький, в жесткой робе и сапогах, с кирпичным обветренным лицом — это от леса, от природы, и фами-

лия подходящая — Смородкин; а рассудительность, гордость, машинное масло на руках — это от постоянного общения с турбинами: станция-то работала!

— Те самые механизмы работают, — сказал с гордостью Смородкин, — что вначале были установлены. Вы номера посмотрите. А где вы сейчас найдете такой пол? А?

Я посмотрел: пол машинного зала был выложен аккуратными красивыми квадратиками керамической плитки.

— А щиты? Не какие-то там пластмассы, а настоящий белый мрамор! Рубильники, колесики — медь. А приборы — как новые! Я сорок лет здесь, как пришел когда-то монтером, так до сих пор и тружусь.

Смородкин настаивал, чтобы я посмотрел номера, и я посмотрел. Турбина своей толщиной, своим массивным корпусом напоминала бегемота. Я потрогал ее бок и прочитал привинченную табличку: «Ленинградский металлический завод. 750 об/мин. Мощность 175 л. с.». И номер: 28. И год — 1927.

Это была двадцать восьмая по счету советская турбина. А рядом с ней — 29-я.

Пока я осматривал турбины, в тесной будочке несколько раз звонил телефон. Смород-

кин брал трубку и разговаривал солидно:

— Ну так что нет тока, гроза была, где-то ударила в мачту. Мы же в системе! Переждете!..

В деревнях на озере Боровно не было тока — весь день накрапывал дождик, где-то громыхало, молнией где-то что-то «выбило». Смородкинские турбины стояли в резерве, но он сам не может решать, когда включать станцию, и куда давать электричество, потому что Боровновская ГЭС — в единой энергетической системе, а эта система весь Северо-Запад охватывает, Ленинград и всю Новгородскую область!

Теперь с фермы позвонили:

— Дойки-то не работают, ты что там, Валентин Андреевич! Коровы с молоком!

— А руками, руками дой, что разучились? Привыкли: механизмы, автоматы! — он гудел в трубку, подначивая доярок с фермы. — Ладно, сейчас дадим ток...

Потом прошел по чистому залу, остановился около своей старой, добротно сделанной, ухоженной, отлаженной турбины, крутанул дроссельную заслонку, еще крутанул.

Вода до этого хлюпала свободно под массивным брюхом турбины, уходя из коллектора в сток, а теперь устремилась внутрь, в нутро машины. Многопудовый маховик покотился мягко вокруг своей оси, разгоняя вал. Смородкин уже вращал другое колесо, регулируя лопатки, увеличивая обороты. Стрелка на тахометре доползла до положенной отметки — 750 об/мин. Смородкин поднялся в трансформаторную и переключил большой рубильник.

Ток пошел в деревушки — на ферму и в дома, в Авдеево, на Мельницу, в Горнешно... Вслед за 28-й тронулась 29-я — как будто следуя примеру соседки потянула нагрузку; как будто впряглись и потянули дружно, размеренно, экономно две опытные, знающие свое дело надежные деревенские лошадки...

К. ВАСИЛЬЕВ
Фото автора

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Стихи Кати Трофимовой из Кургана нужно читать неторопливо. Они, пожалуй, несколько перегружены образными сравнениями. И все же, музыкальность и поэтичность стихотворных строк говорит о несомненном лирическом таланте Кати.

НОЧЬ

Ночь. Я смотрю в окно
в тишине вдохновенной.
Взглянет фонарь на меня
синим глазом сквозь клены,
тихо погаснет,
оставив лишь света мгновенье
в сердце моем,
тишиною в ночи окрыленном.
Черные тени домов
с редким желтых окошек сияньем
тонут в агатовом небе
с россыпью звезд.
В спящих деревьях играет
луны мерцанье...
Мир твой загадочен, ночь,
и прекрасен до слез!

Марианна Сотникова живет в Ленинграде. Учится в 6-в классе школы № 587. Стихи пишет несколько лет. Они уже печатались в газете «Ленинские искры» и журнале «Искорка».

КУРА И МУРА

Утром вышли на прогулку
Мама Кура, мама Мурка.
Куточка вела цыплят,
Мурочка вела котят.
Кура шла из сараюшки,
Мура шла из комнатушки.
Высоко восходит солнце.
Вот и встреча у колодца!
Увидала Кура Муру!
Увидала Мура Куру!
Увидали киски цыпок!
Увидали цыпки кисок!
Детки учатся у мам
Ко-ко-ко и мяу-мяу!

Лена Вдовина и Оксана Самоделкина из Свердловска — лучшие подруги. Даже рассказ, который мы вам предлагаем, они написали вместе.

ЦИРК

Первоклассник Витя был большим хвастунишкой и всегда говорил: «Это я умею».

Однажды в класс пришел дяденька и сказал:

— Кто хочет записаться в цирковую студию?

Ребята закричали:

— А что мы будем там делать?

— Дрессировать львов и тигров!

— Ура! — закричали ребята, и все подняли руки.

— Это я умею, — сказал Витя и тоже поднял руку.

— А сможешь засунуть голову в пасть тигру? — спросил дяденька у Вити.

— Конечно, смогу, — сказал Витя.

— Как ты нас выручил! — обрадовался дяденька.

Вечером Витя пришел в цирк. Когда объявили номер с тиграми, он вышел на манеж. Зато когда он увидел тигра, то затрясся от страха. Но деться было некуда, надо было совать голову тигру в пасть. И он засунул. Зрители ахнули! А тигр проглотил Витю.

В животе у тигра было очень темно. Витя зажмурился. А когда он открыл глаза, кругом было светло. А рядом стояла мама.

— В школу пора, — сказала она.

Пошел Витя в школу и больше никогда не хвастался.

Рисунок А. Ивашенцовой

«МУЛЬТИКИ» — ЭТО СЕРЬЕЗНО

Чем занимается сегодня мультипликация? Всем. Любой темой, вплоть до сталинских репрессий, как, например, в эстонском фильме «Пейзаж с можжевельником». Сегодня режиссеры и художники не стесняются того, что мультипликацию считали и считают в основном детским искусством. Наоборот, она становится все серьезней, а советские «мультики» получают награды и призы самых знаменитых кинофестивалей. Так случилось с замечательной картиной Федора Хитрука «Остров» (Гран-При в 1973 году в Каннах) и фильмом Гарри Бардина «Выкрутасы» (тот же Гран-При в тех же Каннах, только в 1989 году). Хотя вы, наверное, знакомы с этим режиссерами по другим фильмам. Хитрук снял трилогию о Винни-Пухе, а Бардин поставил остроумные и неожиданные ленты с использовани-

ем пластилина — «Брэк» и «Тяп-ляп, маляры».

В особом почете у мультипликаторов — фантастика. Успех «Тайны третьей планеты» до сих пор так и остался непревзойденным в фантастической мультипликации. Ведь столько возможностей дает для художника фантастический, необычный сюжет! Какой простор для выдумки и фантазии! Но нет ничего лучше, чем фантазии, подсказанные жизнью. Когда ваши папы и мамы еще были маленькими, тот же Роман Качанов, автор «Тайны третьей планеты», придумал удивительно добрый фильм о девочке, которой очень-очень хотелось иметь щенка. И она себе его «нашла» в виде ... варежки. Мультфильм так и назывался «Варежка». И со щенком в нем, и с его хозяйкой происходило все, что должно происходить со щенком. Только вот сказка заканчивалась и... щенок превращался снова в варежку. Словом, чего только не происходит в волшебном и невероятном мире мультипликации.

Для того чтобы ожили рисунки или куклы, для создания человечков или других героев фильмов используются самые мыслимые и немыслимые материалы и предметы: спички, гвозди, пластилин, веревки, тени, куклы самых разных типов. Но всех изобретательней оказался режиссер Ю. Хржановский, использовавший для своих фильмов рисунки Пушкина. И мы начинали видеть жизнь поэта на экране такой, какой ее представлял сам Пушкин в своих рисунках на полях своих же рукописей. А в фильме «День чудесный» режиссер «пригласил» в соавторы детей, чьи рисунки участвовали в конкурсе на изображение Пушкина, и получился очень-очень веселый и жизнерадостный фильм, в котором наш русский классик предстал в исполнении юных художников.

«Детские» герои — самые популярные и самые знаменитые в мультипликационном кино. Однако в картинах некото-

рых режиссеров их отношения, их облик настолько недетские, что и взрослые восхищаются тем, как поставлен и придуман тот или иной мультфильм. Многие из вас, наверное, видели фильмы режиссера Норштейна «Цапля и журавль» и «Ежик

в тумане» — сказочные картины, наполненные атмосферой тайны, загадки, доброты. А в двадцатиминутном фильме «Сказка сказок» Норштейн собрал вместе все самые популярные сказочные мотивы и соединил их с воспоминаниями

своего детства. И получился фильм, который был признан «лучшим мультипликационным фильмом всех времен и народов». Хотя, я вполне допускаю, что многим юным зрителям больше придется по душе приключения кота Леопольда.

Кстати, многосерийность — одна из отличительных черт современной мультипликации. Вспомним 16 серий «Ну, погоди!» В. Котеночкина, спортивную серию Дежкина («Шайбу! Шайбу!», «Матч-реванш», «Метеор» на ринге» и др.),

похождения Мартышки, Слоенка, Попугая и Удава из фильмов Уфимцева. Думаю, что многие из вас с огромным удовольствием неоднократно встречались на экране с котом Матроскиным и дядей Федором, отдыхающими в Простоквашино. А об издевательствах мышей над бедным котом Леопольдом и говорить не приходится. Вы также, наверное, заметили, что многие фразы, словечки, интонации из мультфильмов переключались в наш с вами разговорный язык. И это не случайно, ведь многих мультгероев озвучивали популярные и талантливые актеры: Папанов, Миронов, Калягин, Табаков, Козаков... Поэтому уже никого не удивляет, когда взрослый дядя в самый серьезный момент, на каком-нибудь ответственном заседании, когда споры разгораются до точки кипения, произносит коронную фразу кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!»

Любят и взрослые и дети героев необычных, непохожих на людей, поэтому в мультфильмах так часто возникают самые неожиданные существа. Как не вспомнить известного всей детворе мира Чебурашку — создание режиссера Романа Качанова и писателя Эдуарда Успенского. Трилогия о его приключениях вместе с крокодилом Геной стала своеобразным знаком добра и человечности, которые отличают лучшие мультипликационные фильмы. Вообще, мультипликация — искусство доброе и сердечное. А если герой вдруг, как знаменитый Карлсон, исчезает, то через некоторое время он обязательно возвращается. Бывают и случаи еще более уникальные. Так, например, в фильме режиссера Назарова «Жил-был пес» главный герой все время охотится за волком. Однако в ходе борьбы они так подружились и понравились друг другу, что в самых трудных и нелегких ситуациях (в голод, зимой) поддерживали друг друга.

Думаю, вы заметили, что мультипликация, несмотря на

то, что ею занимаются взрослые люди все же остается искусством и для детей, хотя и требует от юных зрителей определенных знаний, опыта и наблюдательности. Иначе даже самый остроумный фильм «не дойдет». Например, надо знать роман Александра Дюма «Три мушкетера» и телефильм «Д'Артаньян и три мушкетера», чтобы воспринять весь юмор фильма Гамбурга «Пес в сапогах».

А в зарубежном кино мультипликация давно уже стала самостоятельной сферой кино, и многие режиссеры активно используют ее для создания необычных музыкальных фильмов. Так, например, был создан фильм «Желтая подводная лодка», основанный на песнях ансамбля «Битлз», а режиссер Алан Паркер поставил фильм «Стена» на музыку группы «Пинк Флойд», где мультипликация такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Надо видеть эти рисунки и то, как они на глазах зрителей превращаются в совершенно другие по смыслу композиции...

Словом, не верьте, когда говорят, что мультики — это для детей. Это — очень, очень серьезно!

С. ИЛЬЧЕНКО
Оформление
В. Шаронова

Дорогие друзья! Сегодняшний выпуск «Музыкального перекрестка» нам помогли составить ваши письма.

«Когда «Битлз» стали называться «Битлз»?»

Оля Соколова,
Псков

В 1962 году. До этого они назывались «Куорримен», «Джонни энд Мундогс» и «Силвер битлз».

«Кто самый богатый музыкант в мире?»

Боря Штейн,
Новгородская область

По данным журнала «Биллборд» самый богатый музыкант — Майкл Джексон. Его годовой доход — более 150 миллионов долларов.

Напоминаем нашим читателям, что в 8—10 номерах прошлого года «Костер» опубликовал документальную повесть о Майкле Джексоне.

«В студии звукозаписи я видел альбом «Мираж-9». Сколько же на свете «Миражей»?»

Саша Новиков,
Ленинград

«Мираж» один — группа Андрея Литягина с солисткой Таней Овсенко. Остальные группы «миражного» направления — это «Фея», «Звезды», а также «Маленький принц» и «Бархатный сезон».

«Почему Костя Кинчев в своих песнях использует чужие строки? Гребенщикова, например».

Лена М.,
Ленинград

Тот, кто знаком с творчеством лидера «Алисы», знает, что Кинчев любит цитировать. Так, в альбоме «Энергия» есть строки из произведений М. Булгакова, Н. Островского, Н. Гоголя, Ш. Бодлера. А в альбоме «Шестой лесничий» — Р. Киплинга, Б. Гребенщикова. Как видите, цитируются и живые классики!

На лаконичные и конкретные вопросы читателей лаконично и конкретно ответил Александр ИГУДИН

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Группа «Мираж» (Москва).

Состав группы: Андрей Литягин (композитор), Татьяна Овсенко (солистка), Алексей Горбатов (гитара), Антон Дремлюга и Виктор Калинин (клавишные), Андрей Быков (бас-гитара), Сергей Солопов (ударные).

По итогам хит-парада газеты «Московский комсомолец» группа заняла в прошлом году четвертое место.

Вышли два альбома — «Звезды не ждут» (1986—87) и «Снова вместе» (1988—89). В этом году выходит еще один альбом. «Мираж» — участник многих теле- и шоу-программ.

ПОЮЩАЯ С СЕМИ ЛЕТ

«Я недавно была очень несчастна! Мне не удалось достать билет на концерт моей любимой певицы Патрисии Каас. «Костер», пожалуйста, расскажите о ней и, если мож-

но, напечатайте ее фотографию».

Оксана Василенко,
Москва

Патрисия Каас родилась 5 декабря 1966 года в небольшом французском городке Фербена, в шахтерской семье, и была седьмым по счету ребенком. В семь лет она впервые вышла на сцену. В девять создала собственную группу «Черные цветы». В тринадцать выступала в ночных кабаре и была счастлива, как, впрочем, счастлива и теперь, ведь песня — это ее жизнь.

Ее кумир — певец Клод Франсуа.

Она любит цветы, особенно красные розы.

Не замужем.

Вес — от 49 до 50 кг.

В свободное время предпочитает заниматься хореографией и шитьем. Все свои сценические костюмы она сшила сама.

Самой большой трагедией человечества считает СПИД и намерена дать ряд благотворительных концертов.

Специального музыкального образования не имеет. Но своим трудолюбием, талантом и очарованием потрясла весь мир. В том числе, и нашу страну.

А. АБЕЙДУЛИН
Фото автора

В № 10 за 1989 год «Костер» рассказал любителям рок-музыки о группе «Кино». Когда этот номер готовился к печати, пришла трагическая весть о гибели в автомобильной ката-

строфе лидера группы Виктора Цоя. В память о талантливом певце, музыканте, композиторе и киноактере мы печатаем текст одной из самых популярных песен из альбома «Группа крови».

Виктор ЦОЙ

Вместо тепла — зелень стекла.
Вместо огня — дым.
Из сетки календаря выхвачен день.
Красное солнце сгорает дотла.
День догорает с ним.
На пылающий город падает тень.

Перемен!
Требуют наши сердца.
Перемен!
Требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах —
и в пульсации вен.

Перемен!
Мы ждем перемен.

Электрический свет продолжает наш день.
И коробка спичек пуста.
Но на кухне синим цветком горит газ.
Сигареты в руках, чай на столе —
эта схема проста.
И больше нет ничего, все находится в нас.

Мы не можем похвастаться мудростью глаз
и умелыми жестами рук.
Нам не нужно все это, чтобы друг друга понять.
Сигареты в руках, чай на столе —
так замыкается круг.
И вдруг нам становится страшно все это менять.

Твой верный друг

«Твой верный друг» предлагает читателям отрывок из «РАЗМЫШЛЕНИЙ О СОБАЧЬЕМ ПЛЕМЕНИ МИСТЕРА ДЖОНСА, ДАЛМАТИНА», которые услышал и записал Т. Теплиц. Немного об авторе: мистер Джонс, пес далматин, порода выведена в Англии.

В своих «Размышлениях» автор отмечает, что многое, написанное о собаках писателями, «преимущественно — из людей», ему не нравится. В их книгах собаки «стараятся подражать людям и вообще ведут себя так, будто они и есть люди, только более наивные», с чем автор совершенно не согласен и размышляет о том, «что есть в собаках поистине собачьего».

Из записок мистера Джонса

Терпеть не могу сказок, в которых звери говорят по-человечьи. У зверей столько способов для того, чтобы объясниться и подать друг другу сигнал или знак, что они могут сказать все без слов. Мы, псы, к примеру, великолепно понимаем все, что происходит между людьми, и меня бесконечно смешит радость, охватывающая человека, когда при звуке слова «гулять» я иду по направлению к двери или когда при слове «мясо» я начинаю махать хвостом и нетерпеливо бегу на кухню.

Если уж быть до конца откровенным, то чаще случается, что человек абсолютно не может понять, что ему хочет сообщить пес (хотя для этого используются все возможные средства и жесты: мордой, хвостом, лапами и всем телом).

Люди радуются, когда пес машет хвостом, и знает — вот чему они научились, — что это верный признак хорошего настроения. А вы когда-нибудь задумывались, отчего пес машет хвостом?

Так вот, скажу я вам: каждая собака знает о существовании ее собственного запаха, отличного от запаха всех остальных собак на земле. Так же, как нет на земле людей с одинаковыми отпечатками пальцев, точно так же нет собак, которые бы одинаково пахли. А этот запах — не смейтесь! — сильнее всего у хвоста. Поэтому, когда пес машет хвостом, это означает:

— Вот он, я! Я здесь, с вами! Я рад, что я здесь!

Когда встречаются во дворе две собаки и хотят подружиться, обе машут хвостами. Просто они так представляются друг другу:

— Я пахну так.

— А я пахну так.

— Очень приятно!

— И мне очень приятно!

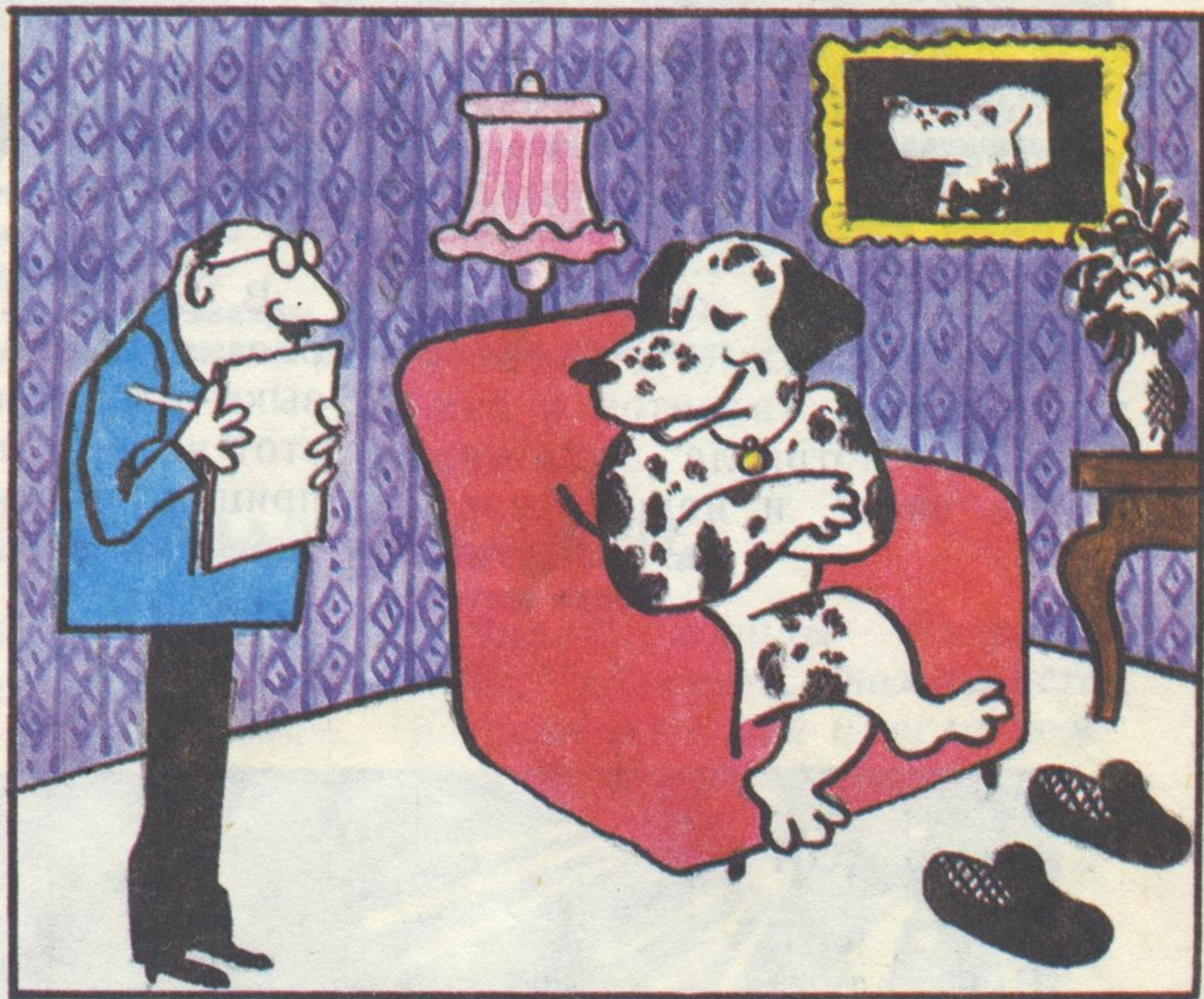
А что делает пес, когда напуган и убегает? Или когда что-то натворил и боится неприятностей?

Разумеется, он поджимает хвост, чтобы его труднее было унюхать.

— Меня здесь вообще нет, это не я, — говорит пес с поджатым хвостом, скрывая таким образом свой запах...

Обнюхивание можно считать главным собачьим обыкновением. Когда пес выходит на прогулку или попадает в новое для себя место, первое, что он делает — тщательно обнюхивает все вокруг. Чутье собаки в несколько тысяч раз острее, чем у

человека, и это не взято мною с потолка, а рассчитано учеными. И именно благодаря своему замечательному чутью пес знает все об окружающем его мире. Зрение у собак довольно слабое, хуже, чем у человека, но пес в состоянии вынюхать гораздо больше, чем человек высмотреть. И не только то, что сейчас находится рядом, но и то, что здесь было раньше. И даже, если не оста-

ется никаких следов. Какой, например, след может остаться после прохожего на твердом городском тротуаре? Пес, обнюхивая тротуар, узнает: «Недавно здесь прошел какой-то человек... наверняка нес в сетке мясо, потому что я чувствую запах мяса... а рядом проезжал автомобиль... позже за этим человеком бежала собака, старая собака, потому что пахнет старой собакой, а еще до этого дорогу человеку перебежал кот и скрылся вон в том подъезде, но догонять его нет смысла, потому что это было давно...»

Обнюхивание для пса — это примерно то же, что для человека чтение книг или газет. Стоит ли после этого удивляться, что большинство собак ходит, опустив нос к самой земле?

Пересказал с польского
А. СПИЧКА

«Дорогая редакция! Когда начинать учить собаку командам? Моей уже семь месяцев, а она совсем не слушается, убегает...»

Сажина Оля, Ижевск

Похоже, что ты, Оля, упустила время. Обучение щенка начинается, как только он появляется в доме. К двум месяцам щенок должен знать свою кличку, команды «Место!», «Ко мне!». Пора приучать его к ошейнику и поводку, команде «Гулять», если отпускаешь щенка побегать и порезвиться без поводка. Если щенок хорошо усвоит команду «Ко мне!», в будущем хозяину не придется за ним гоняться, как случается с теми, кто не дает щенку свободно бегать, а выгуливает только на поводке и не приучает к подзыву. Щенок должен узнать и очень важную команду «Фу!», только ею нельзя злоупотреблять, чтобы не теряла своего значения. Очень многому учится щенок во время прогулки.

После четырех месяцев он может бегать рядом, сначала на поводке, потом без него, у ноги, по команде «Рядом» и «Вперед!»

Вот полезная игра: на прогулке найди ветку, переломи ее на глазах у щенка и брось. Чем моложе щенок, тем охотнее он бросится за палочкой, — а это уже начало обучения розыску. Когда щенок будет азартно бегать за палочкой и носить ее в зубах — усложни игру: бросай палочку, держа теперь щенка на поводке, дай команду «Апорт!» и подтягивай щенка к себе поводком. Предметами для апортировки могут быть варенье, старый кошелек, тряпка, тапок. Часто щенок так увлекается игрой, что не отдает свой апорт, рычит. С этого момента приступай к обучению команде «Дай!» Торопиться отнимать зажатый в зубах предмет не надо. Пусть щенок немного поостынет. Потом возмись рукой за апортировочный предмет и скомандуй: «Дай!». Не дает — повтори команду построже, дунь щенку в нос, чтобы было похоже на «Фу!», и заberi вещь. А если собака все упорствует, команду повтори уже с угрозой, еще раз дунь сильнее в нос и сразу же слегка шлепни щенка под челюсть. Он отдаст вещь, и его надо непременно похвалить.

ТЮРМЕНСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Эта порода была очень популярна в прошлом веке. Произошла от арктических ездовых собак, поэтому хорошо переносит холод, а веселый нрав и выносливость делают собаку незаменимым спутником в прогулках. Несмотря на небольшие размеры — прекрасный сторож. Хорошо дрессируется и любит выступать перед зрителями — рожденный артист. Грубости и фамильярности не выносит — обижается и очень серьезно защищает свое достоинство. Любит находиться в компании, ласковый и преданный пес. Вы узнали его?

Фото В. Бертова

Составление Н. ИВАНОВОЙ
Оформление Т. Панкевич

ОНИ РИСУЮТ ДЛЯ ВАС

СКОЛЬКО НОЖЕК У СТОЛА ?

Странная это вещь — юбилей! Дружишь с художником, давным-давно с ним на «ты», много раз бывал у него в мастерской на Литейном проспекте, и вдруг оказывается, что он гораздо старше тебя, а родился — вообразить невозможно! — когда еще война не началась. Как я ни стараюсь, не могу себе представить Светозара Острова в роли солидного юбиляра. Я даже в костюме с галстуком представить его не могу. В джинсах и свитере — да, но не в торжественном же костюме! Не могу представить Острова унылым, занудливым, мрачным. Зато отлично представляю, как он заставил залезть под стол одного издательского начальника.

Было это так. Начальник больше всего в жизни любил руководить, и ему казалось, что он лучше всех знает, как правильно писать книги и де-

лать к ним иллюстрации. Попались ему, как-то на глаза рисунки Острова, и он срочно вызвал художника к себе в кабинет. «Почему это, — сказал начальник, — у вас нарисован трехногий стол? Таких столов не бывает!» — «Да ведь и ваш стол на трех ногах, — отвечает Остров. — Если сбоку взглянуть». Начальник не поверил, заглянул под стол и, действительно, четвертой ножки не увидел. И так удивился, что вскоре ушел на пенсию.

Но это случилось, когда Остров стал уже профессиональным художником. А в детстве он еще не знал, кем станет. Просто был любопытным, во все глаза смотрел на огромный мир, запоминая все его подробности и детали. Позже эти детские впечатления, как разноцветные картинки, оживут в памяти.

Вот одна картинка. Первый

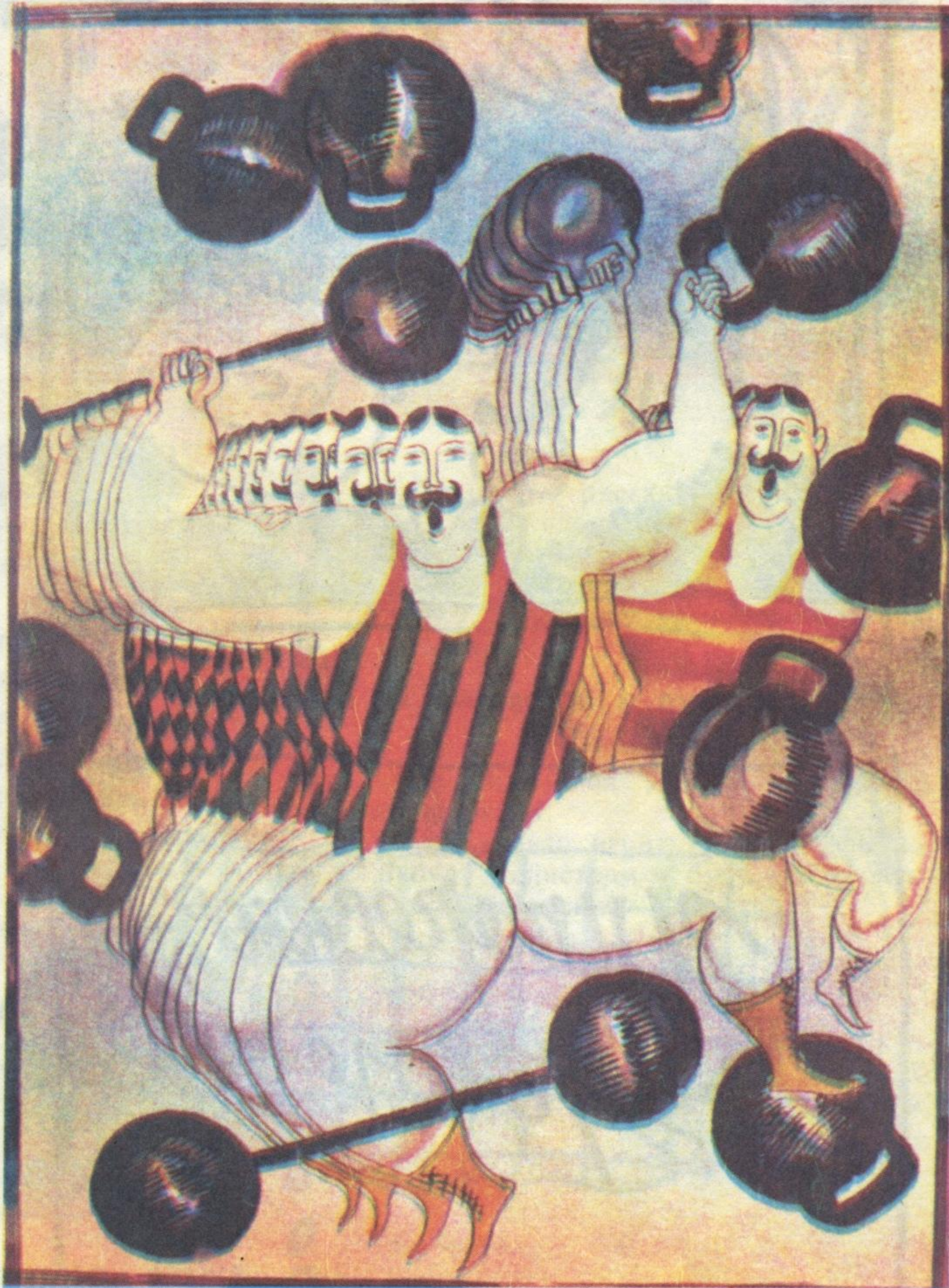
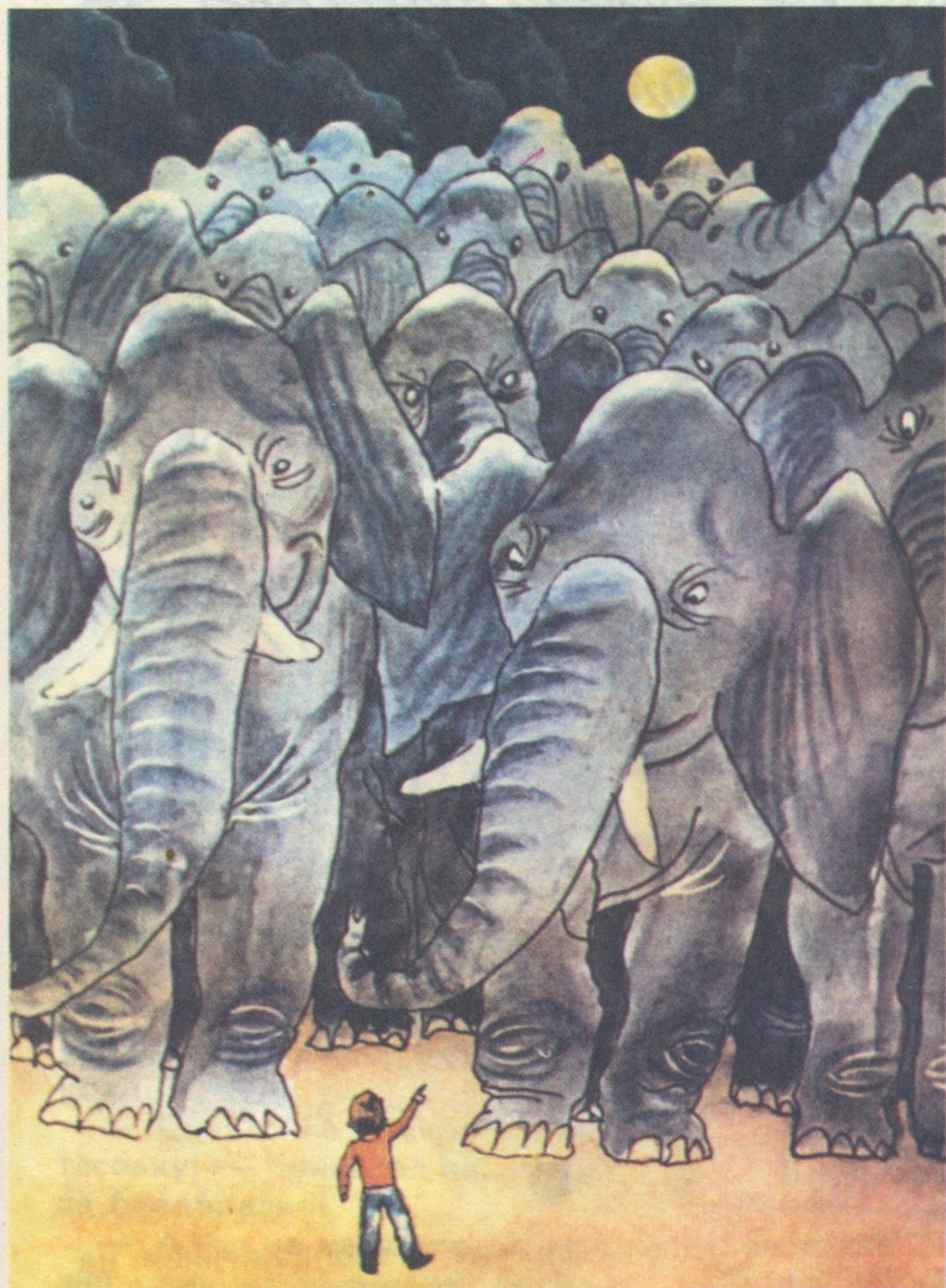
военный год. Эвакуация из Ленинграда. Отправляются последние эшелоны. Теплушка — вагон, битком набитый людьми. Ощущение тревоги. Но рядом мама и дед. Поэтому не страшно. Вагон покачивается, как кроватка.

Другая картинка. Сибирский город Томск. Запах снега, пушистого, искрящегося на солнце. Скрип саней, дед распрягает лошадь.

Первый страх. Рогатая морда коровы, медленно выходящей из-за угла дома.

Оранжевый мандарин! Дедушка выменял его для внука на одну, а может, даже две буханки хлеба. Горькая-прегорькая кожура. Оказывается, ее нужно было очистить...

Взрослые сажают морковь на огороде. Мальчишки — гвозди. Тоже поливают. Странно, морковь выросла, а гвозди почему-то нет.

Счастливая весть! Блокада Ленинграда прорвана! Возвращение в уцелевшую, не разрушенную квартиру на Большой Пушкарской. Весна 45-го года. По мосту Лейтенанта Шмидта целый день идут с войны солдаты. Небритые, осунувшиеся, бесконечно усталые. Хочется одновременно и гордиться ими, и жалеть их.

Непонятное слово «космополит». Оно во всех газетах. Кампания «борьбы с космополитизмом». Ожидание беды. Маму уволили с работы. Какая же она «космополитка»? Она — мама!

А Светозару уже 13 лет. Он вовсю рисует и учится в средней художественной школе. В те годы старшие ученики шефствовали над младшими. Подшефным Острова оказался Олег Григорьев, сегодня замечательный детский писатель.

Светозар Остров хотел стать живописцем. Но однажды, учась уже в Академии художеств, он нарисовал детский плакат и принес его в журнал

«Костер». В редакции плакат понравился, из него даже сделали обложку журнала. Так началась работа художника в детской графике. Его стремительные, живые, радостные рисунки стали появляться в «Костре» и «Пионере», «Веселых картинках» и «Колобке». А из книг, которые проиллюстрировал и оформил Светозар Остров, можно составить целую библиотеку. И какую! Здесь будут сказки Пушкина, Ш. Перро, Фарли Моуэта, Соколова-Микитова, С. Козлова. Стихи Жуковского, Гете, Ю. Владимирова, И. Токмаковой, Я. Акима. Проза Ч. Айтматова, В. Попова, В. Голявкина. Около сотни разных изданий! А в этом году в издательстве «Малыш» выйдет книга Даниила Хармса с прекрасными иллюстрациями художника.

Я очень люблю рассматривать книжные иллюстрации Светозара Острова. И всякий раз мне кажется, что если на мгновение закрыть глаза, в рисунке что-то изменится. Ле-

тящие по небу шарики взлетят чуть выше. Смирная лошадь ускачет от глупого разбойника. Цирковой акробат сделает сальто. Ничто не стоит на месте, все движется, летит, прыгает, скачет. Темп рисунков поразителен! И что еще замечательно! Кого бы ни рисовал художник, — мальчишек и девчонок, старичков и старушек, птиц и зверей, — у каждого свой характер: смешливый, ворчливый, серьезный или чудаковатый. Художник становится настоящим соавтором писателя, усиливая зримую образность героев детской книжки.

А еще, глядя на рисунки Острова, можно услышать, как ветер шумит в листве. Или почувствовать, как припекает весеннее солнце. Вообще, это очень солнечные иллюстрации. Сколько в них тончайших световых оттенков, живых и теплых! Кстати, близкие друзья Светозара Острова зовут его просто — Свет.

Сергей МАХОТИН

Составил и оформил Л. Каминский

Интересный урок

Сережка мне рассказывал
Двенадцатую серию:
— У них машина длинная!
А тот лежит за дверью...
А комиссар как выскочит —
И тра-та-та-та!
И толстый — вверх тормашками
И кубарем с моста!
А главный мафиозина
Сказал: «Сегодня срок...»
Но тут звонок не вовремя,
И кончился урок!

Римма АЛДОНИНА

Из Непоющего собрания ШКОЛЬНЫХ сочинений

Сыновья приехали к Тарасу и стали с ним знакомиться.

Веселая Катя улыбалась во весь рост.

На стене висели фрукты с изображением на-
тюрморта.

Некоторые обезьяны висят на деревьях вверх
головой.

Доктор дал барыне капли, и она сразу выру-
билась.

От страха его душа ушла в ботинки.

Прислали:

Лена Чистякова
с. Ровное Крымской обл.,

Наташа Першина

Мончегорск,

Игорь Аравин

Баку,

Надия Абдулина

Рубцовск,

Андрей Артемьев

Капустин Яр Астраханской обл.,

Максим Ашрапов

Свердловск.

Учитель шел по коридору и увидел двух дерущихся учеников.

— Сейчас же прекратить потасовку! — приказал он. — Что за безобразие!

— А мы не деремся, — сказал один из учеников. — Это тренировка по классической борьбе.

— Да? — обратился учитель к другому ученику.

— Ага. А еще он меня бритым ежиком назвал!

И все засмеялись!

Оля Матвеева,
5 класс,
г. Куйбышев

Дима часто пропускал уроки, а потом, когда его спрашивали, он неизменно отвечал:

— А меня тогда не было!

Однажды на уроке английского учительница вызвала Диму и спросила его по-английски:

— Как ты провел зимние каникулы?

Дима, не задумываясь, ответил по-русски:

— А меня тогда не было!
И все засмеялись!

Света Козырева,
Орехово-Зуево

— Басню Крылова «Волк и ягненок» нам расскажет Юра Малиновский! — сказала учительница.

Юра начал бодро, потом сбился и замолчал.

— Смирнов, — попросила учительница, — подскажи Юре.

Смирнов сказал:

— Ах, чем я виноват?..

— Молчи, устал я слушать! — неожиданно прервал Смирнова Юра, и все засмеялись!

Ира Тарасова,
6 класс,
Минск

На уроке русского языка Ольга Михайловна дала нам задание найти примеры слов со сдвоенными согласными. Мы стали думать. Тут в тишине раздался радостный голос Вити:

— Ура! Я нашел две буквы «Л»!

— Где? — спросила учительница.

— В троллейбусе!

И все засмеялись!

Андрей Маслюк,
с. Куйлов
Кировской обл.

Когда начался урок истории, Петр Григорьевич сказал:

— На прошлом уроке мы говорили о причинах колонизации. Об этом нам напомним Борисенко.

Леша встал, подумал и начал:

— Причины канализации...
И все засмеялись!

Света Хайло,
Ворошиловград

По радио рассказывали об одном известном спортсмене, который заболел и потерял свою спортивную форму. Тут маленькая Юля сказала:

— Наверно, где-нибудь в раздевалке оставил!

Однажды моя младшая сестренка предложила:

— Давайте играть в министерство. Я буду министром и буду вас пропускать к секретарю!

Перед сном мама читает Пете «Сказку о царе Салтане»:

— И растет ребенок там не по дням, а...

— ...по ночам! — добавляет Петя.

Когда я шла с Сережей из детсада, он мне сообщил:

— А я знаю, для чего компас! По нему можно определить, где север, где юг, и где этот... Владивосток!

Я сидел и делал уроки. Ко мне подошел мой младший брат и заявил:

— А я тоже скоро пойду в школу!

— До школы тебе далеко! — сказал я.

— А мы такси вызовем! — ответил брат.

Я гуляла с Машей по улице. Маша посмотрела по сторонам и сказала:

— Ася, почему на дорогах кошек не видно? Может быть, они все на юг улетели?

Прислали:
Юля Матросова
Нижекамск,

Оля Букарева и Лена Бессчастная
с. Ярское Белгородской обл.,

Оксана Павлович
Нижевартовск

Дина Ялымова
пос. Алтын-Топкан
Ленинабадской обл.,

Алеша Щепин
Иваново,

Ася Толагаева
Воронеж.

Капитан Скотт возвращался с Южного полюса, покорить который он готовился, используя новейшие достижения техники. Тракторные сани, изобретенные им, должны были хорошо передвигаться во льдах. Лошади и собаки, сменяя друг друга, не истощали бы силы. Вся Англия верила в успех своего знаменитого соотечественника, весь мир следил за подготовкой экспедиции и ждал триумфа. С невероятными трудностями, которые еще усиливала непогода, Скотт и его верные товарищи добрались до Южного полюса и увидели... что полюс уже покорен. Месяц назад здесь был Амундсен со своей группой — об этом говорили оставленные документы и норвежский флаг. Амундсен выступил к полюсу внезапно (он собирался идти к Северному полюсу). Узнав о готовящейся экспедиции англичан, он изменил свои намерения и вступил в соревнование со Скоттом, послав ему телеграмму.

...Пятеро полярников шли от одного склада провизии до другого по своим старым следам. Скотт вел дневник. Записи его становились все короче, он начинает путать дни: «...пятница 16 или суббота 17 — потерял счет дням». Один из спутников Скотта погибает — самый молодой и сильный из них. Все обморожены. Нет сил двигаться, наступило крайнее истощение, не заживают, гноятся раны и ссадины. У Отса, одного из путешественников, так сильно обморожены руки и ноги, что он не может идти дальше. Товарищи отказываются выполнить его просьбу — оставить его

одного и продолжать путь, помогают ему из последних сил, но и они обессилены — только обувание требует крайнего напряжения. Буря не прекращается. Минус сорок градусов. Невероятными усилиями Отс заставляет себя встать. «Пойду пройду, — говорит он товарищам, — и вернусь не сразу», — и выходит в снежную бурю. Он не возвращается. Так он хотел помочь друзьям и перестать быть обузой для них. У Скотта отказывает нога, она омертвела от обморожения. «Ни один человек не смог бы выстоять в таких условиях, а мы измотаны почти до предела», — записывает он. Последняя запись сделана 29 марта 1911 года, когда до склада с провизией, которая бы могла их спасти, остается всего 11 миль (менее одного дневного перехода). Он пишет организаторам экспедиции, излагая причины неудачи, своим друзьям и близким, родственникам своих погибших товарищей, рассказывая об их мужестве, стойкости и благородстве. В последние минуты жизни все его мысли обращены к жене и сыну. «Если сможешь, постарайся заинтересовать мальчика естественными науками. Это лучше, чем игры... Чего только я не рассказал бы тебе о нашем путешествии. Насколько лучше мне было здесь, чем в расслабляющем комфорте дома. Как много ты сможешь поведать нашему мальчику, но какой ценой». И самые последние слова: «Ради Бога, не оставляйте наших близких».

В это время Амундсен уже покинул

Антарктиду. Мир узнал о его подвиге — покорении Южного полюса.

Почему победил именно он? Обе экспедиции тщательно готовились к этому походу и выступили почти одновременно. Скотта подвело именно «разнообразие» транспортных средств, на которые он, в основном, и рассчитывал: пони, механические сани и собаки. Скотт советовался с Нансеном перед своим походом, и тот не рекомендовал ему брать в Антарктиду лошадей. Но Скотт верил только себе. Пони требовали большого ухода, болели и погибали, сани на морозе постоянно выходили из строя, собакам же уделялось мало внимания. К полюсу и обратно непомерный груз тянули без собак Скотт и его товарищи. Амундсен прошел весь путь за девяносто дней, Скотт — за сто сорок, не дойдя до зимовки своей экспедиции.

Амундсен доверял только собакам, считая их незаменимым в полярных условиях средством передвижения. Ему более благоприятствовала погода. Но, главное, он был к этому моменту уже опытным полярным исследователем. Не одну зимовку провел он во льдах, переживая труднейшие полярные ночи и крайне низкие температуры воздуха. Все помогало его походу — умение составлять правильно рацион питания, чтобы уберечься от цинги; вера в успех, — может быть, самое главное. И то, что к берегам Антарктиды он пришел на прославленном судне «Фрам», которое Нансен дал ему в путешествие. Может быть, главная причина гибели несчастного Скотта и его товарищей — это крушение надежды. Южный полюс был уже покорен, когда они добрались до него.

Научные исследования, открытия и наблюдения Скотта обогатили изучение Антарктиды. Сорок шесть лет спустя были созданы британские вездеходы, в основу идеи которых было положено изобретение Скоттом тракторных саней. Скотт был замечательный человек своего времени. Амундсен писал о нем: «Я пожертвовал бы своей славой, решительно всем, чтобы вернуть его к жизни. Мой триумф омрачен мыслью о его трагедии, она преследует меня».

О. СТРЕЛКОВА

Рисунки В. Шаронова

Продолжение смотри на 4-й стр. обложки

УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

Каких только государственных переворотов не знает история! Свергали правителей за проигранные войны, за неудачную женитьбу, за переход в другую веру. А вот...

Однажды правитель Баварии Максимилиан II решил, как обычно, сыграть вечером партию в бильярд. Играл, играл и проиграл большую сумму денег.

— За мною не пропадет, утром отдам! — пообещал правитель.

Но... утром правительство проверило казну. Если отдавать долг — в сундуках ничего не останется. Посовещались и... свергли Максимилиана. Не играй на деньги!

* * *

История знает и другие примеры, когда нехватка денег ставила государство на грань развала.

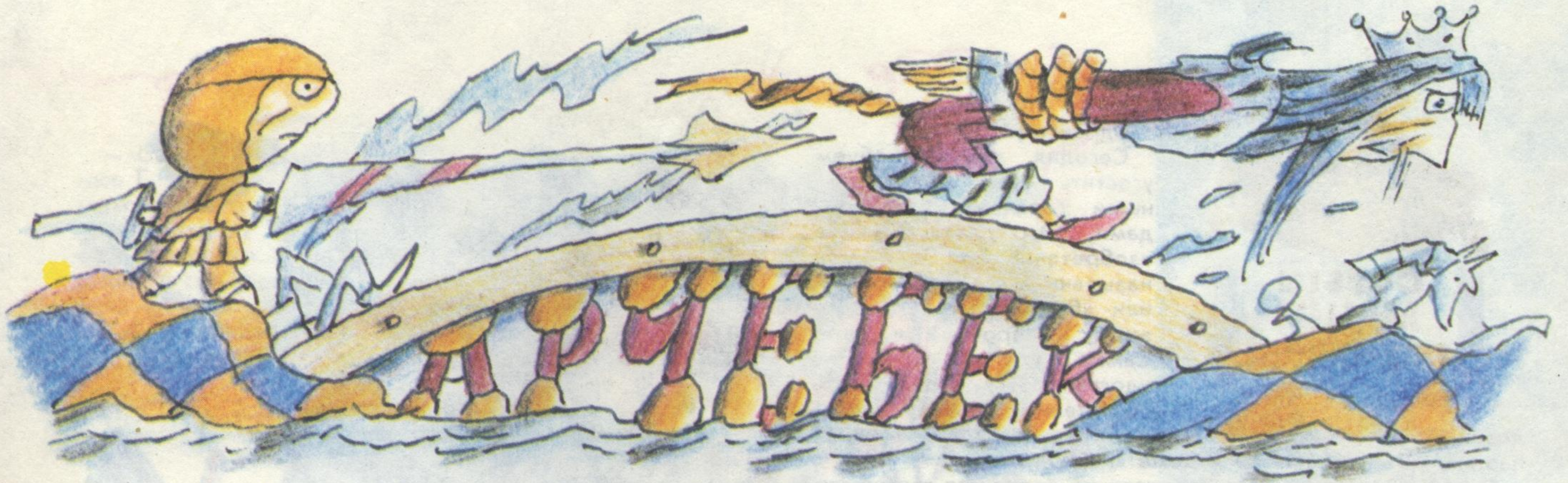
На Гавайских островах ко-

роль и его вожди племен очень удивлялись:

— Ничего не понимаем! Денег на островах все меньше и меньше. Куда они деваются? Скоро крах!

И вдруг кто-то подсказал: — Посмотрите на наших красавиц!

Посмотрели и ахнули: у каждой в ушах тяжеленные подвески из монет, у кого больше... Спасла новая мода: появились сережки, монеты были вынуты из ушей и вернулись в лавки и магазины.

ШТАБ АРЧЕБЕКА СООБЩАЕТ

1. Все писавшие заявку в Чемпионат-91 допущены. Шахмат-адмирал желает им успеха!

2. Прием в разведчики АРЧЕБЕКА и в Чемпионат еще не окончен. Заявки («Прошу принять меня...») следует писать на открытках (почтовых карточках). Примут всех! Не откладывайте на завтра — пишите сразу.

3. Для новых читателей «Костра»: в Чемпионате АРЧЕБЕКА разыгрываются призы! При успехе разведчики награждаются дипломом! Им присуждаются спортивные разряды по шахматам и шашкам!

Адрес для заявок: 193024, Ленинград, Мытинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК. В Штабе ждут!

ЧЕМПИОНАТ-91

Вот боевые задания 2-го тура. Будьте внимательны!

ШАХМАТЫ

А. Белые: Kpg4, Фf8, Ка5, п. с7; черные: Кре6, Лd7, пп. d4, g5.

Б. Белые: Кра8, Фg4, Лс7, Ле7, Cf5, п. d7; черные: Крд8.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих Олег Шалыгин, Первомайск) объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: «объявить мат в 2 хода» означает найти и сделать такой ход, после которого любой ответ противника не спасет его короля от немедленного мата.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: b4, c3, e1, g1, h2; черные: a5, e5, e7, g7, h4.

Б. Белые: b2, b4, c1, c3, e1, e3, g1, h2; черные: a5, a7, c7, d8, e5, e7, g7, h4.

Цель разведки: и в А и в Б найти лучшее продолжение игры за белых (ими играл бывший разведчик АРЧЕБЕКА Леонид Буйнов из г. Горького) после того как черные и там и там делают ход 1...e5-d4.

Разъяснение обстановки: в А противником Леонида был С. Гринов. На его ход 1...e5-d4? Буйнов после размена ответил победной комбинацией. В Б черными командовал А. Тахро. После 1...e5-d4 2.e3:c5 c7-b6 он, видимо, считал (оно и в самом деле так кажется), что поражения белым не избежать. Однако и тут арчебековец оказался на высоте: он провел красивую комбинацию и партия закончилась вничью. «Надеюсь и теперешние разведчики АРЧЕБЕКА, — пишет Леонид, — сыграли бы на моем месте тоже так:

выигрывающей комбинацией завершили бы сражение в А и спасительной комбинацией — в Б».

Итак, слово за участниками Чемпионата! (А кто не знает, как в шашках записывают ходы и что такое КОМБИНАЦИЯ, и хочет, чтобы ему это объяснили, должен на отдельной открытке написать о том просьбу шахмат-капитану Пешкоедову).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 30, 37, 40, 46, 48, 49; черные: 16, 17, 18, 29, 38, 39.

Б. Белые: 24, 31, 32, 33; черные: 13, 14, 22, 23, 26.

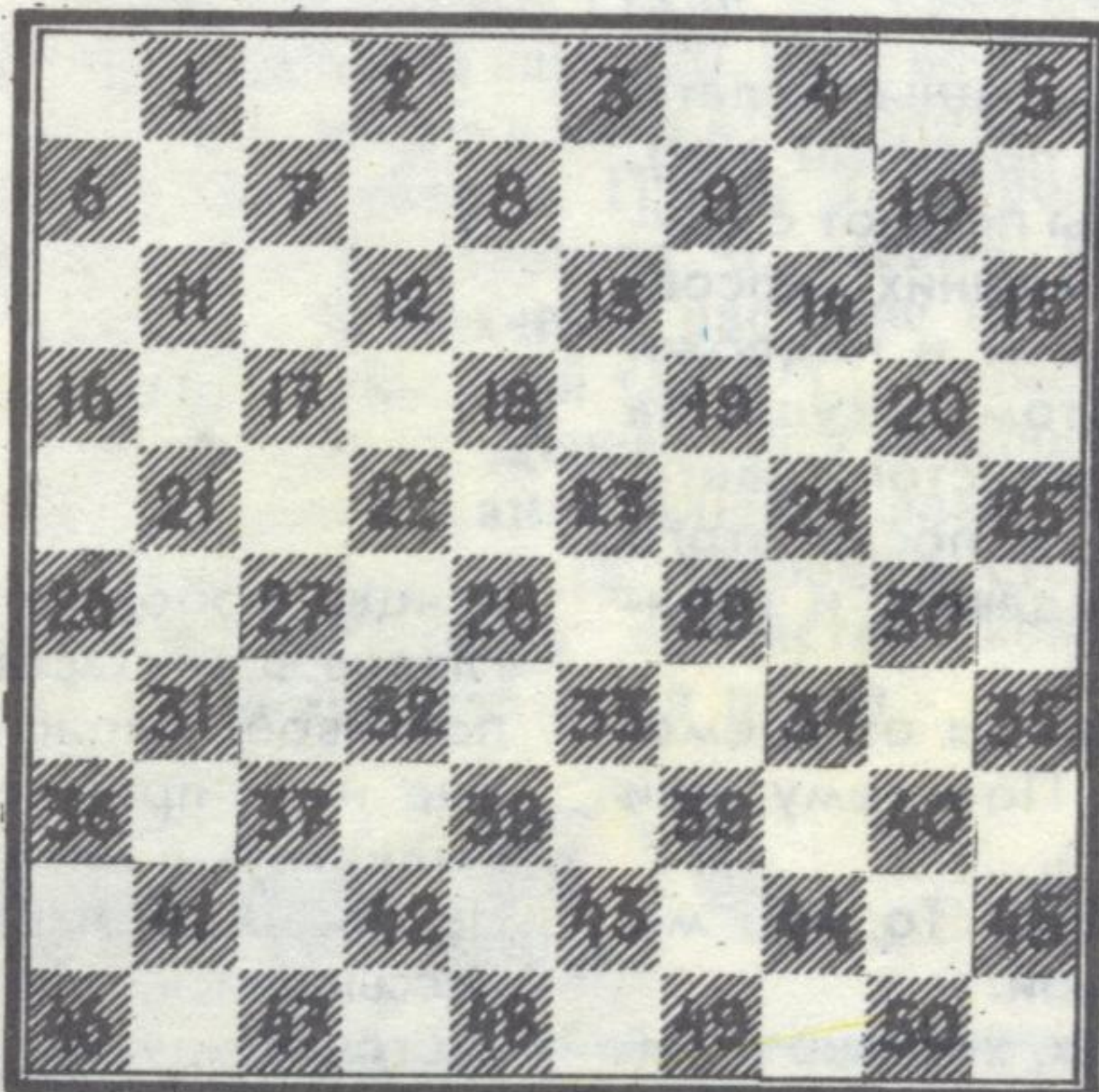
Цель разведки: и в А и в Б (автор этих проблем Алексей Панкратьев, Ленинград) выявить — есть ли в них пути к победе белых?

Разъяснение обстановки: Тут, чтобы провести комбинации, нужно воспользоваться правилами, которыми МШ отличаются от РШ. О них — ниже.

ЧТО ТАКОЕ МШ?

МШ — это международные шашки. По ним проводятся первенства Европы, мира и другие соревнования шашистов из разных стран. От русских шашек (РШ) они отличаются:

а) величиной доски (не 64 клетки, а 100) и числом шашек (не по 12 у каждого, а по 20). Посмотри на диаграмме, как нумеруются поля.

б) тремя особыми правилами для ходов со взятием. Вот они:

Первое. При нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек.

Второе. Если простая с удара попадает на дамочное поле и могла бы еще лальше бить как простая, то она не

останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается — остается простой.

Третье. Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника. Вот учебные примеры, где белые побеждают, пользуясь этими правилами.

Белые: 21, 28, 32, 33, 34, 50; черные: 4, 7, 9, 11, 13, 18. Черные пошли 1...16? На это белые ответили 2.23! и выиграли (черные должны бить 2...16:40 — первое правило).

Белые: 21, 32, 43, 45, 49; черные: 8, 9, 11, 19, 29. И тут было 1...16? Белые ответили 2.44! и выиграли (черные должны бить 2...16:40 — второе правило).

Белые: 31, 35, 42, 43; черные: 8, 19, 21, 25. Черные пошли 1...26? На это последовало 2.39! и белые выиграли (черные должны бить 2...26:48 — третье правило; а тогда 3.34X).

У кого есть вопросы — задавайте Пешкоедову!

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

1. Найди достойных партнеров и сыграй с ними за две недели 25 партий. О результате доложишь в АРЧЕБЕК.

2. Все то, что ты уже знаешь о рокировке, укажи в рапорте шахмат-адмиралу. О том, чего ты еще не знаешь — спроси у него.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. Ход 1.С:c5+? проигрывает, а вот красивый неожиданный ход 1. Kph1! приносит белым спасение — ничью.

«Костер» № 11. Тренировочная кабина. ШХМ — 1. Фg2! РШ — 1. cb2! 2. b2! 3. f2! 4. g3X. МШ — 1.32! 2.42! 3.25X.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§1. Всем разведчикам отправить рапорты в течение двух недель со дня получения журнала.

§2. Рапортовать на почтовых карточках (не вкладывая их в конверт!).

§3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль (каждый разведчик придумывает его для себя сам).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Здравствуй!

Сегодня мы попробуем угостить всех замечательными горячими бутербродами. Это американское изобретение повсюду в мире называют «гамбургерами» или «бургерами», его обожают и взрослые и дети. Самые удачные рецепты удостоиваются чести иметь собственные имена, иногда

довольно экзотические: «Американская легенда», «Мокрые парни», «Джек в ящике» и даже «Горячая собака».

Основной продукт, без которого не получится гамбургер, это фарш из говядины, баранины или мякоти цыпленка. Так что парочка таких бутербродов вполне может заменить легкий ужин. Рецепты, которые я тебе предлагаю сегодня, рассчитаны на шесть гамбургеров, значит попробовать твои горячие бутерброды сможет вся семья. Если ты умеешь жарить обычные котлеты, то технология приготовления гамбургеров не вызовет никаких трудностей. В любом случае можно воспользоваться маминой помощью, верно?

Итак, надеваем фартуки и приступаем!

Гамбургер с яйцом «Сюрприз». Понадобится 900 г фарша, 2 столовые ложки любой душистой приправы или сладкого соуса, чайная ложка соли, четверть чайной ложки молотого черного перца, одно сваренное вкрутую яйцо, можно добавить полторы чайные ложки горчицы. Смешай мясо, приправу, перец и горчицу. Из этой массы сделай 12 лепешек. Яйцо разрежь на 6 ломтиков и разложи их на шесть лепешек, закрой оставшимися, слегка спрессовывая края. Обжарь на растительном масле или жире с обеих сторон.

Гамбургер «Лучший повар». Приготовь полстакана хлебной крошки или молотых сухарей, четверть стакана молока, 900 г фарша, четверть чайной ложки молотого перца, пол чайной ложки соли, сырое яйцо, 6 ломтиков ветчины или сыра. Сухари замочи в молоке, как только они станут мягкими, смешай с мясом, перцем, солью и яйцом. Сделай 12 тонких лепешек. На шесть из них положи по ломтику ветчины или сыра, закрой начинку оставшимися лепешками, сдавливая края. Обжарь на среднем огне.

Бургер-сэндвич «Ройбен». Нужно 900 г фарша, полстакана мелко накрошенного белого хлеба, четверть чайной ложки молотого черного перца, 6 ломтиков ржаного хлеба, соль по вкусу, полстакана приправы типа кетчупа, 6 кусочков сыра, 250 г отжатой квашеной капусты, немного сливочного масла или маргарина. Смешай мясо, крошки белого хлеба, соль и перец. Раздели эту массу на шесть лепешек и обжарь с обеих сторон. Выложи готовые лепешки на кусочки ржаного хлеба, сверху добавь по чайной ложке приправы, ломтику сыра и горсточке капусты. Получились сэндвичи. Теперь обжаривай их на сливочном масле под крышкой до тех пор, пока сыр не расплавится, а хлеб не подрумянится.

Лучший гарнир для гамбургеров — любые овощные салаты (в том числе и те, о которых мы говорили в прошлый раз). Кроме того, горячие американские бутерброды подают с хрустящим картофелем. Вот простой рецепт домашних чипсов: очищенный картофель нарежь тонкой соломкой и выдержи 15 минут в холодной подсоленной воде, потом высуши на полотенце и обжарь в кипящем масле до золотистого цвета. Обжаренные чипсы снова нужно подсушить и после этого посыпать солью. Такой картофель можно подавать и горячим, и комнатной температуры.

Надеюсь, гамбургеры тебе понравятся и время от времени будут появляться в вашем доме на ужин. По-моему, они вполне уместны и на праздничном столе.

А теперь, как обычно, займемся рукоделием. То, что мы сегодня сошьем, очень пригодится тебе весной.

Помнишь: «солнца луч льет на голову мне, эх, хорошо моей голове!» Это, конечно, очень хорошо, когда льет солнца луч. А когда то ли снег, то ли дождь (весной ведь часто так бывает) — уже не так хорошо. И приходится снова надевать шапку. А в ней жарко — не зима все-таки. Тогда беретик? Надоед. Капюшон? Уж очень по-детски. Что же? Башлык! А у тебя его нет? Пусть будет! И всего-то нужно: полоска мягкого сукна или фланели, остатки рассыпанных маминых бус и один свободный вечер.

Ткань (если хочешь, это может быть и тонкий вязаный шарф) размером 130×35 см сложи пополам лицевой стороной внутрь и по одному краю застрочи на 25 см вниз от сгиба. Длинные

концы свободны. Это уже почти башлык. Выверни его, прогладив шов. Осталось самое приятное, правда и самое кропотливое: украсить. На концах башлыка выдерни поперечные нити примерно на 10 см. Получилась бахрома, верно? Выдернутые нити не выбрасывай, они нам сейчас пригодятся. На три нитки нанизай бусины с обоих концов (чтобы бусы не рассыпались, завяжи узелки). Из оставшихся нитей сделай кисточку: пучок перегни пополам и перетяни ниткой с бусинами, отступив сантиметра два от сгиба. Кисточку пришей к уголку башлыка прямо за вершину или на шнурке. Из бахромы на концах башлыка тоже сделай кисти: перетяни ее простой ниткой в самом начале и ниткой с бусинами, отступив 2 см. Носить башлык можно, как тебе подскажет фантазия. И переменчивая весенняя погода! Мне больше нравится, когда концы, как шарф, свободно перекинуты за спину.

А в марте мы поговорим о том, как ухаживать за твоей косичкой или стрижкой. И, как всегда, будет чем заняться на кухне. До встречи!

Рисунок Т. Панкевич

— Совсем запутались, — пожаловалась Г. Г. Громыхалову его старинная знакомая. — Судите сами: в январе по случаю купила кофеварку. Красивая такая, двадцать рублей отдала. Звоню домой, а сын говорит, что тоже купил. Куда же нам две! Вернулась в магазин — он уже закрыт. Стою, расстроенная, а тут дамочка подходит одна:

«Какая, — говорит, — хорошенькая кофеварочка!» Я ей все рассказала, она обрадовалась, вынимает двадцать пять рублей. «Ах!», говорит — и тут же исчезла, я и сдачу не успела ей отдать.

— Пятерку заработали, — заулыбался Географ Географыч.

— Если бы так... Прихожу домой, а сын-то, оказывается, не кофеварку, а кофемолку купил! Так я месяц после этого по магазинам ходила. И нашлась кофеварка. А она уже тридцать рублей стоит. Цены как растут!

— Что поделаешь, — посочувствовал Г. Г. Громыхалов. — Время такое.

— Но на этом не кончилось. Прихожу домой — и надо же! — сын тоже купил и тоже за тридцать. Куда же нам две! Я не растерялась, снесла покупку в комиссионный, и там ее продали — за сколько бы вы думали? — за тридцать пять рублей.

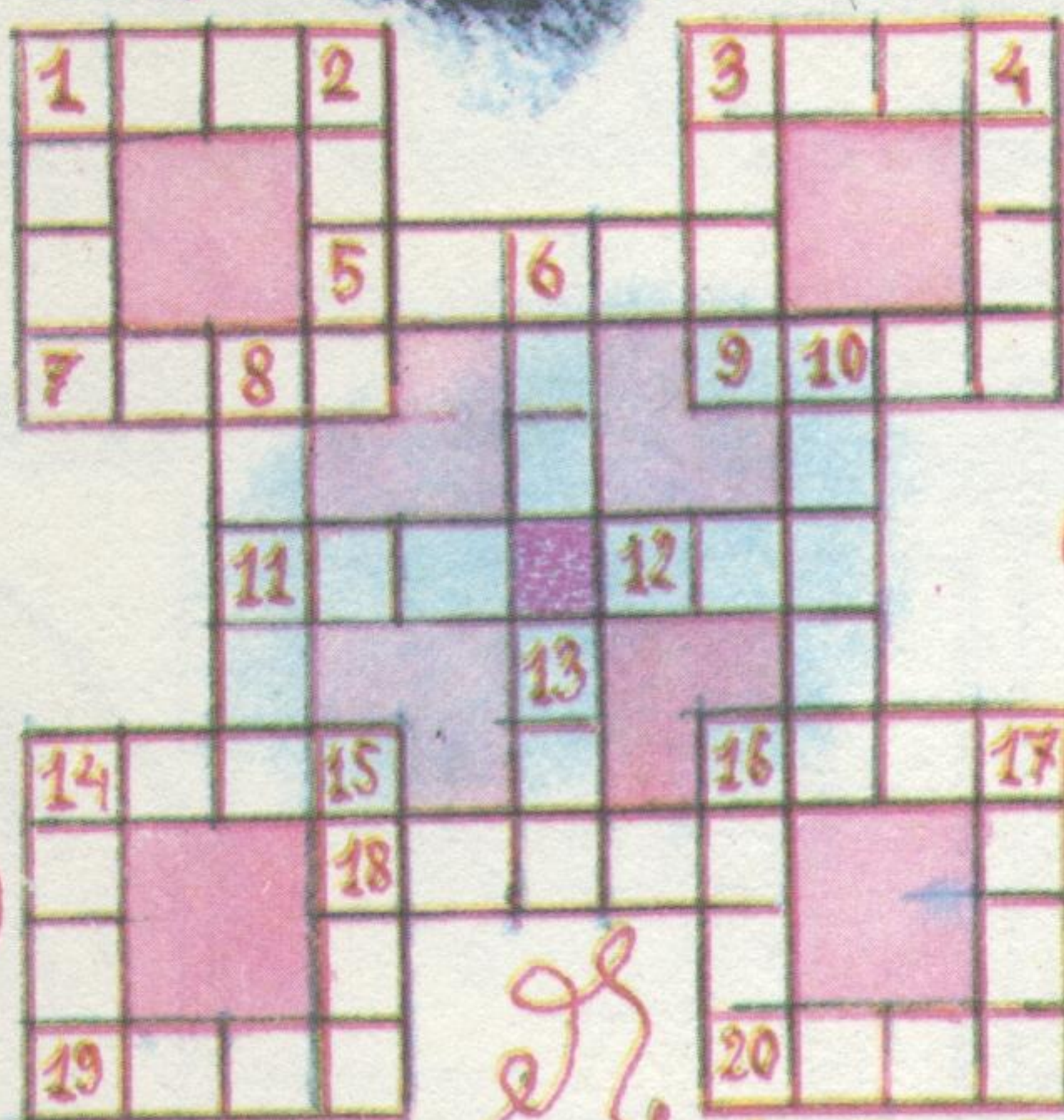
— Так.

— Ну вот я и не пойму: в прибыли я или в убытке? Заработала я деньги или потеряла? И сколько?

— Это просто, дражайшая Вера Капитоновна...

Итак, кто подведет итог финансовых операций старинной знакомой Г. Г. Громыхалова? (5 очков).

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

Конкурс КРОССВОРДОВ

Свой кроссворд нам предлагает отгадать Ирина Гладченко из города Запорожье.

По горизонтали: 1. Цветок 3. Государство в Латинской Америке 5. Рыба семейства карповых 7. Полудрагоценный камень 9. Государство в Азии 11. Дерево с ценной древесиной 12. Жилище народов Севера 14. Домашнее животное. 16. Столица союзной республики 18. Сооружение на главной палубе судна 19. Графическое изображение звука 20. Река во Франции

По вертикали: 1. Часть человеческого тела 2. Птица 3. Порода лошадей 4. Планета 6. Левый приток Амура 8. Бахчевое растение 10. Современный бальный танец 13. Геометрическое тело 14. Дерево, лист которого изображен на национальном флаге одного из государств 15. Проем в стене 16. Хищный зверь семейства кошачьих 17. Водоплавающая птица.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В №1 1991г.

1. Разговор происходил 1 января 1991 года, и первое, что сказал Г. Г. Громыхалов, когда пришел в гости, было: «С Новым годом!» Мальчику Пете 31 декабря 1990 года исполнилось 11 лет, за день до этого ему было, естественно, только 10 лет. 31 декабря 1991 года Пете исполнится 12 лет, а в следующем, 1992 году — 13 лет.

Конкурс кроссвордов: По горизонтали: 5. Нектар 7. Шафран 8. Маслина 9. Окапи 10. Сазан 13. Реликт 15. Панты 18. Платан 19. Тигр 20. Лавр 21. Волк 22. Пион 25. Малина 26. Осина 28. Ястреб 31. Сорго 32. Окунь 33. Рефлекс 34. Каштан 35. Клыкач. По вертикали: 1. Селекция 2. Жасмин 3. Карась 4. Баклажан 6. Гольян 11. Сенбернар 12. Вальдшнеп 14. Титовка 16. Абрикос 17. Тюльпан 18. Пирания 23. Виноград 24. Стенолаз 27. Иволга 29. Горчак 50. Косуля.

Рисунки Л. Московского

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная
коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ
(отв. секретрь)
Н. Т. ФЕДОРОВ
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ
(зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Н. В. МИХАЙЛОВА

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72.

К сведению авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 06.10.90.

Подписано в печать 11.12.90.

Формат 60×90¹/₈.

Печать офсетная

Печ. л. 6

Усл. печ. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8,3

Тираж 800 000

Заказ № 5348

Цена 60 к.

Текстовые диапозитивы, иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМУ (МДС) «Молодь». Зак. 1-10. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

Вост 2/2 - 57

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛ АМУНДСЕН

Что возьмет
с собой в Антарктиду
путешественник?

